

На правах рукописи

МЯКШЕВА Ольга Викторовна

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА:
РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ РЕСУРСОВ
В РАЗНЫХ СФЕРАХ И СРЕДАХ ОБЩЕНИЯ

10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саратов – 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка и речевой коммуникации
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Сиротинина Ольга Борисовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Всеволодова Майя Владимировна

доктор филологических наук, профессор
Котюрова Мария Павловна

доктор филологических наук, профессор
Балашова Любовь Викторовна

Ведущая организация: Московский государственный областной
университет

Защита состоится « » _____ 2008 года на заседании
диссертационного совета Д 212.243.02 при Саратовском государственном
университете им. Н.Г. Чернышевского (410012, г. Саратов, ул. Астраханская,
83) в здании института филологии и журналистики (11 корпус).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан « » _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

Пространственная семантика не раз была и до сих пор остается предметом исследования. Изначально философское понятие «пространство» (Э.П. Андреев, М.Д. Ахундов, У. Бёрке, С.Н. Булгаков, В.Н. Дубровский, Р.А. Зобов, А.М. Мостепаненко, М.В. Мостепаненко, Г. Рейхенбах, В.К. Потемкин, А.Л. Симанов и др.) сегодня стало одним из самых актуальных объектов изучения и современной лингвистики, так как когнитивно-дискурсивная парадигма многократно усилила интерес к пространству, его роли в процессе познания и специфике языкового и речевого воплощения. В диссертации в центре внимания находится исследование реального функционирования языка, которое позволяет отчетливее увидеть механизмы этого воплощения, выдвигает на первый план идею антропоцентризма в процессе использования языка в разных сферах существования человека.

В этом новом ракурсе изучения роли пространственного смысла в языке и речи и заключается **актуальность** исследования, причем пространственная семантика является **объектом** анализа, а **предметом** – специфика ее функционирования в разных сферах употребления языка. **Пространственная семантика** представлена в работе в наиболее антропоцентрическом варианте – **ориентацией** человека и предметов, актуальных для его ориентации.

Цель работы. Ограничившись семантикой пространственной ориентации, рассмотреть, чем обусловлено свойство языка – создавать вариативные способы описания одного и того же – и к каким последствиям для языка и речи оно приводит. Иными словами: выяснить, как и во что воплощаясь, входит пространственный смысл в тексты разной функциональной направленности, какие механизмы языка позволяют ему, этому смыслу, формировать текст – «единственно данную в наблюдении реальность применения языка» (В.Г. Костомаров). Данная цель определяет следующие **задачи**: 1) на основе изучения работ предшественников, материалов грамматик и словарных материалов очертить круг языковых средств с семантикой пространственной ориентации и отобрать для анализа конкретные языковые формы ее выражения для детального исследования в функциональном аспекте; 2) имея в виду, что словарь в системе лексико-семантических вариантов значений фиксирует и обращенность слова к речи, живой сфере существования языка, рассмотреть на материале толковых словарей процессы движения лексических (субстантивных) языковых средств в поле пространства и из него; 3) на базе лексических и грамматических единиц, предназначенных для выражения семантики пространственной ориентации, при учете метафорических и метонимических процессов в языке и речи, изменений актантной структуры предложения выделить типы воплощения пространственного смысла (пространственные единицы речи) в текстах разных сфер общения; 4) выявить своеобразие использования пространственных единиц речи и способов их включения в тексты разной функциональной направленности; 5) попытаться определить причины (мотивы) и цели использования пространственной семантики и ее

речевых единиц в разных сферах и средах употребления языка под влиянием тех или иных конструктивно-стилевых векторов (термины *сфера*, *среда* и *конструктивно-стилевые векторы* в понимании В.Г. Костомарова); б) выяснить роль семантики пространственной ориентации в отображении или интерпретации действительности в разных «режимах» его работы.

Материалом исследования послужили: существительные с пространственной семантикой из толковых словарей (Ожегов, Шведова 1993; Словарь современного русского литературного языка. В 20 тт. 1991–1994; Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. 1950–1965; Современный толковый словарь русского языка 2004), Русского семантического словаря, газетные тексты преимущественно из «Российской газеты», «Комсомольской правды», «Известий» за 2006–2007 гг.; расшифровки магнитофонных записей разговорной речи из фонда кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета (далее – СРР) и опубликованные записи устной речи коренных москвичей (МРР) и горожан-уральцев (УРР); расшифровки собственноручно собранных записей новостных телевизионных передач и ток-шоу с Вл. Соловьевым за 2006–2007гг; научные монографии из нескольких областей знаний (лингвистика, литературоведение, вычислительная техника, экология); современные художественные произведения и тексты классиков русской литературы. Общий объем – около полутора млн. словоупотреблений.

Методы исследования. Основным методом исследования является описательный, основанный на анализе письменных и устных текстов в условиях реальной коммуникации, используются также контент- и дискурс-анализ целого текста, методики компонентного анализа семантики слова, структурно-семантического, структурно-стилистического и трансформационного анализа, когнитивные и количественные методики.

Научная новизна работы заключается в исследовании языковых средств с семантикой пространственной ориентации в аспекте реального функционирования языка, что дало возможность учесть влияние на способы использования пространственной семантики сферы и среды общения, выявить разные формы проявления антропоцентризма. Анализ материала показал, что пространственная семантика представлена в речи разными типами (реального пространства события, концептуальных пространств, пространств контактного и ассоциативного фона события). Доказано, что пространственная картина публицистического текста создается сложным переплетением манифестаций всех выделенных типов пространств, причем если реальное пространство события и концептуальные пространства **отражают** (в пределах возможностей СМИ) объективную действительность, то пространства контактного и ассоциативного фона события **интерпретируют** действительность. Подтверждено конкретным анализом, что в аспекте особенностей членения мира и ориентации в нем человека одной из ярких черт разговорной речи (далее – РР) является так называемое

«личное» пространство, что экспрессивность, эмоциональность разговорного общения поддерживает и «возвращает» ему частотность ядерной модели выражения семантики пространственной ориентации, а в научной речи (НР) языковые ресурсы, сформированные пространственным опытом освоения реального мира, продуцируются в отвлеченную область по принципу сходства, и здесь большую роль играют синтаксические возможности языка, законы синтаксического развития мысли. В художественной речи (ХР) манифестации всех типов пространств, и в первую очередь реальные пространственные ориентиры, выполняют подчиненную роль, они «выдают себя» за ориентиры соответствующих типов, в действительности – это ориентиры-ассоциации к авторскому восприятию мира. Таким образом, установлено, что пространственная семантика активно используется во всех сферах употребления языка, но по-разному и во многом специфично в каждой из них в зависимости от конструктивно-стилевых векторов, форм «человеческого участия».

Положения, выносимые на защиту:

1. Одним из инструментов анализа текста с целью выяснения его смыслопорождающих способностей являются текстовые единицы речи – типы пространств (реальное пространство события, концептуальное пространство, пространства контактного и ассоциативного фона события), выявленные на основе их роли как в способе отражения действительности, ее интерпретации, так и в способе формирования текста.

2. Опора на разграничение типов пространств и анализ с этой точки зрения материала исследования позволяют утверждать, что пространственная семантика, служащая для выражения «координации материальных объектов» (по терминологии В.Г. Гака), активно используется в текстах всех исследуемых функциональных разновидностей языка, однако по-разному и во многом специфично в каждой из них в зависимости от сферы и среды общения. При этом одни и те же средства могут манифестировать разные типы пространств и выполнять разные текстовые задачи.

3. Постулируемая в современной лингвистике идея антропоцентризма языка в отношении выражения пространства проявляет себя и в словаре, и в каждой сфере общения. Словарь способен дать суммированный и усредненный, «вертикальный» вариант роли человека в формировании картины мира, «расчленение» же представления о «человеческом участии» в использовании пространственной семантики в стилевом, функциональном, «горизонтальном» (линейном, синтагматическом) аспекте позволяет увидеть разные стороны этого участия. Сфера общения, то есть принадлежность к той или иной области жизнедеятельности людей, и среда, естественный ограничитель и одновременно проводник коммуникативной заданности, взаимодействуя, демонстрируют способы обязательного выражения антропоцентризма в текстопорождении, основными из которых являются: 1) решение прагматических задач ориентации человека в окружающей его действительности, 2) использование этой семантики в связи с имеющимся у неё потенциалом выразительных возможностей и оценочных последствий

при употреблении, 3) применение опыта реальной ориентации для создания метаязыка отвлеченных размышлений.

4. Специфика использования пространственной семантики в СМИ заключается в сложном переплетении манифестаций всех четырех типов пространств, что позволяет адресанту «контролировать» смыслопорождение. Этот контроль, в частности, демонстрируется ролью манифестаций в текстах пространства контактного фона события, а также выразительными (интерпретирующими, эмотивно-содержательными) возможностями манифестаций ассоциативного фона события. Потребности среды диктуют необходимость выбирать из языковых ресурсов выражения пространственного смысла такие, которые создают нужную автору картину реальности.

5. В РР абсолютно преобладают манифестации реального пространства. Специфика выражения пространственного смысла в ней обусловлена экстралингвистическими факторами проявления РР, приводящими к «короткой связи» между сферой и средой, что выражается, в частности, в специфическом преломлении конструктивно-стилевых векторов непосредственности, ситуативности, личностности и экспрессивности общения.

6. Соотношение сферы и среды в отношении к телевизионной речи (ТР), особенно ток-шоу, проявляет себя «в конфликте» между сферой и средой. Этот конфликт формируется естественно (вследствие проявления в ней некоторых элементов живого общения) и создается искусственно, намеренно (для поддержания внимания аудитории и влияния на нее).

7. В НР абсолютно доминирует концептуальное пространство, манифестации реального используются не с точки зрения возможности непосредственного восприятия ориентиров как зримых компонентов ситуации, а с точки зрения их сущностных свойств как компонентов одной из областей научного интереса – земного ландшафта с находящимися на нем объектами. В ХР манифестации выделенных типов используются в эстетически преломленном варианте, что позволяет считать художественное пространство пространством ассоциативного фона художественного (эстетического) события. НР и ХР, с одной стороны, кардинально противопоставлены с точки зрения способа использования пространственной семантики: научная – копирует опыт реальной пространственной ориентации, опираясь на кодифицированные языковые формы ее выражения для построения и передачи умозрительных концепций; художественная – использует эти языковые ресурсы как источник творческого переосмысления для выражения эстетических задач. С другой стороны, эти разновидности языка сближает то, что их специфика, и выражение семантики пространственной ориентации в том числе, обусловлены сферой, а не средой общения. Вмешательство компонентов среды ведет к созданию пограничных разновидностей, в худшем случае – околонучных и псевдохудожественных.

8. Слова и конструкции с пространственной семантикой и их использование в речи отражают сущностные языковые процессы:

приобретение нового значения и его утрата, метафоризация, метонимия – и демонстрируют роль сферы и среды общения, в конечном итоге – антропоцентризм любого языкового проявления. На базе пространственной семантики в аспекте действия разных конструктивно-стилевых векторов проявляется способность текста к смыслопорождению, «наращению смысла» через взаимодействие «пассивной энергии формы» и «активной энергии семиотического ядра знака» (термины М.М. Маковского).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней показано использование и речевое воплощение одного из важнейших для осмысления мира значения – пространственного – на материале текстов СМИ, РР, ХР и НР, что расширяет знание о пространственной семантике и ее типах, речевых воплощениях в разных сферах общения и позволяет уточнить конструктивно-стилевые векторы, под воздействием которых формируется текст и происходит реальное функционирование языка. Результаты исследования тем самым решают задачу выявления разных факторов, влияющих на характер соотношения языка и речи, языка и стиля, языка и текста, что важно для когнитивной и коммуникативной лингвистики, функциональной стилистики, лингвистики текста, речеведения и теории языка.

Практическая значимость заключается, во-первых, в выделении текстовых единиц речи (типов пространств), во-вторых, в выявлении особенностей воплощения пространственного смысла в конкретных текстах под действием конструктивно-стилевых векторов. Результаты исследования могут быть использованы при составлении толковых словарей, методических пособий по анализу текста, руководств и рекомендаций при подготовке журналистов, в практике преподавания русского языка как иностранного и в чтении основных лингвистических курсов на филологических факультетах и факультетах журналистики.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 38 научных работ (не считая депонированных и тезисов), в том числе монография «Пространственная семантика: ресурсы языка и их функциональный потенциал» (22, 25 п.л.), 7 статей в журналах из списка ВАК. Основные положения концепции были обсуждены и одобрены на III Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва, МГУ, 2007), Международной конференции «Семантика славянского предлога» (Москва, МГУ, 2003), X и XI Международных конференциях «Текст. Структура и семантика» (Москва, МГОПУ, 2005, 2007), VI Международной конференции «Семантика языковых единиц» (Москва, МГОПУ, 1998), Международной конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (Волгоград, ВолГУ, 2008), I, II Международных и III Всероссийской конференциях «Предложение и слово» (Саратов, ПИ СГУ, 1999, 2002, 2007), Международной научной конференции «Филология на рубеже тысячелетий» (Ростов-на-Дону – Новороссийск, РГУ, 2000) и др. Доклад по материалам исследования обсуждался на лингвистическом семинаре Института русского

языка, литературы и журналистики при факультете филологии и журналистики СГУ им. Н.Г. Чернышевского (2006), отчеты по основным итогам работы – на заседаниях кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ, кафедры русского языка и методики его преподавания ПИ СГУ, Ученого Совета факультета филологии и журналистики СГУ, в течение 3 лет работы в докторантуре – на специальной комиссии университета с участием проректора по НИР.

Структура работы. Работа состоит из введения, шести глав (1. Теоретические основы исследования, 2. Существование с семантикой пространственной ориентации человека: их движение из поля и в поле пространства, 3. Типы пространств в газетных текстах, 4. Особенности пространственной ориентации в разговорной речи, 5. Специфика выражения пространственной семантики в телевизионной речи, 6. Специфика использования семантики пространственной ориентации в научной и художественной речи), заключения и приложения. Композиционное решение о рассмотрении ТР после разговорной, а не после газетных текстов, принято в связи с дискутируемой в науке проблемой влияния РР на устные СМИ.

Основное содержание работы.

В первой главе рассматриваются наиболее актуальные в современной лингвистике понятия-феномены, сформировавшие потребность разработки проблемы изучения специфики использования семантики пространственной ориентации в разных сферах общения.

Лингвистика начала прошлого века ознаменована осознанием того, что язык представляет собой нечто большее, чем упорядоченный инвентарь форм, и основную роль в нем играют не материальные элементы, а релятивные по своей природе знаковые ценности, отношения между которыми образуют структуру. Эта идея Соссюра задала господствующее направление лингвистической науке XX столетия и, безусловно, пошла на пользу как всему языкознанию, так и семантической науке в частности. Во второй половине XX века обозначилась тенденция функционализма, т.е. от лингвистики собственно языка стал намечаться переход к лингвистике речи, в языкознании в этот период все более явно дают о себе знать ростки различных направлений изучения речи и речевой деятельности: «языковедение все более прирастает речеведением» (М.Н. Кожина).

Необходимость смены лингвистической парадигмы первыми осознали исследователи функциональных стилей. Основоположники функциональной стилистики заявили, что функциональный план языка необходимо постигать в его связи с внелингвистической действительностью, именно сторонники данного направления ввели понятие экстралингвистических характеристик функциональных стилей (см. работы А.Н. Васильевой, Б.Н. Головина, Е.А. Земской, Г.Г. Инфантовой, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой и др.). Сферы употребления языка, их экстралингвистические характеристики в современной лингвистике проанализированы достаточно полно, подробно и системно представлен

арсенал языковых средств, используемых в том или ином стиле, и началось выявление доминант, в терминологии В.Г. Костомарова конструктивно-стилевых векторов, формирующих тексты разных стилей (см. работы ученых московских, нижегородской, пермской, саратовской, таганрогской школ исследования функциональных стилей).

Функциональная и, далее, коммуникативная стилистика явились необходимым этапом перехода к новому объекту исследования – дискурсу (Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик, М.Н. Кожина и др.). Тезис о том, что языковая система и ее фрагменты подвержены влиянию и даже формируются под воздействием функциональных требований (М.А. Кронгауз), отстаивают и сторонники функциональной грамматики (А.В. Бондарко, В.Г. Гак, А.Е. Кибрик, В.А. Плунгян).

Очередной закономерный шаг в развитии лингвистической мысли можно объяснить фразой Р.И. Павилениса: не может быть проблемы понимания речи и языка вне проблемы понимания мира. Когнитивная лингвистика («почему-лингвистика» – Р.М. Фрумкина) обладает высокой степенью объяснительной силы, чтобы решать назревшие вопросы лингвистических наук.

Таким образом, переориентация современных исследований с системно-структурной на функционально-коммуникативную и далее – когнитивно-дискурсивную парадигмы актуализировала в научных концепциях положения об обусловленности связи языка с внеязыковыми интересами людей, средой обитания человека, о необходимости исследования того, как язык членит мир и представляет его.

При рассмотрении языковой картины мира в связи с идеей антропоцентризма (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, И.Н. Калмыкова, В.Г. Колшанский, Е.В. Падучева, Б.А. Серебренников, Е.В. Рахилина, Н.В. Уфимцева и др.) исследуется сложное взаимоотношение понятий *предмет–денотат–сигнификат* (В.Г. Гак, М.А. Кронгауз, Е.С. Кубрякова, А. Сеше, М. Фуко) в аспекте отражающих и интерпретирующих возможностей языка и понятия «информационные и игровые дискурсы» в аспекте речевых реализаций этих возможностей. Учитывая достижения в решении этих актуальных в лингвистике вопросов, в своем исследовании ставим задачу выяснения роли семантики пространственной ориентации в отображении или интерпретации реальной действительности в разных режимах работы языка: в информационном дискурсе, в пределах НР; не только в информационном, но и в игровом – вероятно, в СМИ и ХР, и в обиходном, самом естественном для языка, – в пределах литературной РР.

Способы языкового представления пространства и на уровне лексических средств, и на уровне морфологии и синтаксиса исследованы достаточно полно (Р.А. Агеева, И.В. Альтман, Н.Д. Арутюнова, Б.И. Блажев, О.Ю. Богуславская, М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский, В.Г. Гак, Н.А. Герасименко, Р. Гжегоржикова, Г.Н. Дручинина, В.Л. Ибрагимова, Е. Кржижкова, А.Г. Остапенко, М.Ю. Симоненко, В.В. Тихонова,

В.Н. Топоров, L. Talmy и др.). Постулаты функциональной грамматики (несколько шире для сопоставительных исследований: «в модели смысл – текст») подвели итог процессу систематизации однофункциональных средств в языке, который выразился, в частности, в представлении функционально-семантического поля локативности (А.В. Бондарко, В.Г. Гака), системы локативных значений (М.В. Всеволодова), типологии локаций и ориентиров (И.А. Мельчук, В.А. Плунгян). Эти исследования позволили очертить круг языковых средств, выражающих семантику пространственной ориентации и выступающих в работе в качестве исходного материала. Это в первую очередь синтаксические структуры с существительными – обозначениями объектов окружающей действительности с инвариантной семантикой *пространство, место, участок, здание, помещение* в любой синтаксической позиции и в любом конкретном речевом употреблении (см. мнение В.Г. Гака о глубинной семантической структуре) и с дейктическими обозначениями ориентации типа *там, здесь, туда, у нас*. Дальнейшая корректировка круга средств основывается на синтаксической семантике бытия и пространственной характеристики (как в статических, так и в динамических моделях), а именно: анализируются и предложения, в которых в качестве локализатора выступают обозначения предметов, не имеющих инвариантной семантики *места* или *помещения*. В данном случае критерием отбора являются глагольные мета-слова (и их речевые заместители) типа *находиться, идти*, а также грамматические характеристики форм – речевых локализаторов: *Иван находился около той самой ложки*. В русле актуальных задач современной лингвистики наша задача заключается в попытке **объяснить** языковой «облик» и речевые воплощения пространственной семантики в разных сферах реального общения.

Склонность оценивать мир в пространственных категориях – явление универсальное, и особенно характерное для русского менталитета (О.П. Ермакова), поэтому неслучайно, что исследователи языковой картины мира и проявления в этой картине идеи антропоцентризма нередко строят свои концепции на анализе пространственной категории (Н.Д. Арутюнова, С.А. Борисова, Т.В. Булыгина, М.В. Всеволодова, Ю.Н. Караулов, А.В. Кравченко, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, О.Н. Селиверстова, В.Н. Топоров, А. Ченки, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева, L. Talmy и др.). Важными в лингвистическом осмыслении понятия «пространство» являются, в частности, идеи о членении мира на фигуру и фон (Н.Д. Арутюнова Е.С. Кубрякова), о выделении из недискретного потока информации наиболее репрезентативных объектов, по отношению к которым осуществляется ориентация (И.М. Кобозева), о позиции Наблюдателя (Е.В. Падучева), об иерархии выделенности (Ч. Филлмор), о дейктической и недейктической стратегиях при восприятии пространственных отношений (М.В. Всеволодова, А.В. Кравченко, В.А. Плунгян, Н.А. Сребрянская), о сочетании в человеческом осмыслении пространства чувственных элементов его восприятия и геометрической концептуализации (L. Talmy, Е.С. Кубрякова, В.М. Топорова). Кстати, последнее затрагивает

философскую проблему типов пространств (реальное / нереальные), связанную с вопросом использования опыта пространственных отношений в других, ментальных сферах существования человека. Эти и некоторые другие проблемы интерпретации понятийной категории пространства в языке / речи и явились теоретическими основами диссертации.

Философское осмысление типов пространств (реальное, перцептуальное, кажущееся, концептуальное, категориальное, интеллектуальное, социальное, психическое, телесное, предметно-адаптационное и т.д.) в лингвистическом преломлении поставило вопрос о том, каким образом «осуществляется единство бытия и сознания» (В.Н. Топоров). И здесь чрезвычайно важным оказывается понятие **метафоры**. Отечественные и зарубежные исследователи подробно рассматривают эту уникальную языковую способность человека. В метафоре удивительным образом сочетаются два, казалось бы, противоположных свойства: во-первых, быть важнейшим познавательным механизмом, во-вторых – мощным средством воздействия. Проблема «двойственной» природы пространственной метафоры является одной из центральных в нашем исследовании, на выяснении характера этой двойственности базируется, в частности, выделение текстовых единиц речи – типов пространств и выявление специфики организации текстов разной функциональной направленности. Особо, в связи с ролью в процессе реального функционирования языка, рассматривается в диссертации роль **метонимии**.

Изучение текста начиналось с поверхностной, формально-языковой стороны, с выяснения средств его когезии (Л.М. Лосева, И.Р. Гальперин). В последних по времени научных изысканиях в области взаимосвязи феноменов «пространство, человек, текст» утверждается, что «человек говорящий и чувствующий выступает посредником между пространством и текстом» (В.И. Шаховский), что текст, как особая речемыслительная форма, позволяет представить некоторую картину мира (фрагмента мира) в виде развернутой системы представлений, суждений, идей, окрашенной субъективным отношением автора к этим представлениям и идеям (М.Я. Дымарский). В аспекте нашего исследования представляют особый интерес работы, в которых отстаивается мысль о новом уровне смыслообразования в тексте (Ю.М. Лотман), о процессе «влияния смыслов» как основном условии «для понимания целого текста» (А.Р. Лурия), об источниках «наращения» смысла (В.Н. Телия, Т.Е. Янко). По мнению Т.М. Николаевой, в поиске новых закономерностей построения текста помогают идеи актуального членения, обусловленности этого членения контекстом и конситуацией, взгляд на текст не как на последовательность предложений, а с точки зрения предпосылок и условий человеческой коммуникации. Одной из категорий текста Т.М. Николаева назвала пред- и пост-информацию. В отношении к нашей работе пред-информацией является семантика пространственной ориентации, зафиксированная, в частности, в лексических и грамматических средствах языка, характер пост-информации

(что и исследуется в диссертации) находится в зависимости от законов текстового порождения нового смысла.

Исходная гипотеза исследования

Выявленный учеными репертуар языковых средств с пространственной семантикой обладает определенным функциональным потенциалом. Этот потенциал, в частности, можно обнаружить в толковых словарях на примере анализа лексико-семантических вариантов значений существительных по их движению из поля и в поле пространства. Языковые ресурсы с пространственной семантикой (в очерченном для исследования объеме) в реальном речевом воплощении, в текстах определенной функциональной направленности манифестируются в 4 типах пространств (текстовых единиц речи, инструментальном объекте исследования): реальное пространство события, концептуальное, контактного и ассоциативного фона события. На специфику использования этих ресурсов, представленных в манифестациях типов пространств, влияет сфера и среда общения, в конечном итоге – разные формы проявления «человеческого участия».

Для проверки этой гипотезы взят материал из разных сфер употребления языка. Поскольку основной объект исследования – текст, в работе активно апробируются методики контент- и дискурс-анализа целого текста. Однако сам материал не позволил применять единую методику. Например, в главе, рассматривающей существительные с исходной или приобретенной семантикой пространственной ориентации, используется методика компонентного анализа, в главах о газетных и телевизионных текстах основное значение для объяснения законов текстопорождения, выявления источников «наращения» нового смысла имеют структурно-семантический и особенно трансформационный методы.

В диссертации осуществлена попытка связать актуальные в современной лингвистике феномены *пространство, антропоцентризм, картина мира, стилистика, дискурс, метафора, метонимия, текст, «наращение» смысла* и преломить их в основополагающие для исследования соотношения: **языковая пространственная семантика – человек – сфера и среда общения.**

Во второй главе исследуется русский лексикон в пределах существительных с прототипическим или приобретенным смыслом `место, участок, пространство, здание` в аспекте их общей представленности в толковых словарях и тенденций развития переносных значений, исходя из гипотезы, что выявление этих тенденций поможет отчетливее увидеть механизмы и мотивы речевых преобразований при анализе реального функционирования кодифицированных языковых средств с пространственной семантикой. Лексикографический материал в диссертации рассматривается как информационный дискурс (О.Б. Йокояма).

Толковый словарь ставит своей задачей фиксацию лексики языка, иными словами – отражает посредством одного из самых важных уровней (лексического) языковую картину мира в определенный (довольно большой)

исторический период. Степень полноты охвата лексики конкретным словарем, характер толкований лексем зависит от ряда факторов, ведущими из которых являются время создания словаря и его предназначение (для всякого интересующегося значением слова или для человека с высокой общекультурной подготовкой). Однако нельзя не принимать во внимание ставшие предметом изучения в последнее время некоторые субъективные и прагматические факторы, такие как научные позиции или даже предпочтения авторов словарей, региональные отличия и т.п. (некоторые из них в диссертации замечены и проанализированы).

Из выявленного круга лексем выделены те, в которых пространственная семантика заявлена как основная, немотивированная, и те, в которых пространственное значение зафиксировано как производное, что позволило в дальнейшем на материалах современных текстов разной функциональной направленности рассмотреть уже текстовые (речевые) механизмы приобретения и утраты лексемами пространственной семантики.

Выделенный из трех словарей «общий фонд» лексики классифицируется, например, с точки зрения того, какая реалия обозначается (естественная или созданная человеком) и насколько доступна лексема (и, вероятно, предмет) рядовому носителю языка. Существование «общего фонда» пространственной лексики, осознаваемого через приблизительно одинаковый пучок признаков (что доказывают рассматриваемые словари), показывает, что языковая картина мира, несмотря на изначальный субъективизм в ее формировании (создано человеком и для человека!), – может служить «зеркалом» объективного мира.

Анализ лексики, включающей пространственные семы, в аспекте языкового статуса этих сем: первичности/вторичности – показал, что существительные с пространственным значением в качестве основного, прототипического (и нередко единственного) составляют в информационном дискурсе (в словарях) от 83 до 91% всей рассмотренной лексики указанной семантики. Данные слова преимущественно обозначают природные реалии ландшафта местности (*степь*), созданные природой или человеком неровности на земной поверхности (*борозда*), созданные человеком объекты местности (*набережная, больница*).

Слова, имеющие пространственную семантику в качестве вторичного, мотивированного значения составляют от 9% до 17%. Анализ словарных статей рассматриваемых лексем позволил говорить о том, что развитие пространственной семантики идет преимущественно по пути метонимического переноса (в среднем около 82% всех мотивированных значений). Обратим внимание на то, что перенос названия по смежности, по данным словарей, не сопровождается коннотативными, эмотивными наращиваниями. Эта лексика делится на три группы в зависимости от таких причин приобретения пространственной семантики: 1) предметной (*асфальт, бакалея, вода, воздух, флагман*) или социальной: 2) событийно-антропоцентрической (*землевладение, каторга, скупка, стоянка, стройка, служба*) и 3) организующе-антропоцентрической (*канцелярия, кафедра*,

лаборатория, лицей, музей, мэрия, факультет, церковь). Наибольшие расхождения в словарных толкованиях имеют существительные третьей группы: далеко не всегда последовательно фиксируется в них сема `здание, помещение`. Предполагаем, что это связано с разным отношением авторов словарей к фиксации «проявления антропоцентризма».

Утрата существительными пространственного значения чаще осуществляется также по метонимическому переносу (в нашем материале – около 75% всех лексем с первичным пространственным значением, но утратившим его в процессе семантического развития). Если в процессе приобретения пространственного значения мы отмечали, например, перенос от называния лиц, группы лиц, административных органов, учреждений – к называнию помещения, в котором эти лица, учреждения осуществляют определенную деятельность (*деканат, ректорат, сенат, суд*), то здесь процесс идет, так сказать, «с обратным знаком»: от места, пространства – к человеку, людям, которые это пространство занимают (*аудитория, клирос, село*).

Лексемы, приобретшие или распространившие на другие реалии пространственную семантику на основе метафорического переноса (в нашем материале до 18% всех существительных с мотивированным пространственным значением), делятся в диссертации на имеющие вторичное, пространственное значение, но не имеющие яркой оценочной коннотации (хотя и не лишённые ее вовсе) и имеющие вторичное, пространственное значение и обладающие яркой оценочной коннотацией (с пометами *перен., разг., книжн., ирон., пренебр.* и т.д.). Слова первой группы в пространственном значении могут обозначать разновидность предмета – пространственного ориентира, отличающегося от предметов того же рода какими-то свойствами (*аквариум* – это здание *с прозрачными, как у аквариума, стенами, изолятор* – это помещение *с особыми, как у диэлектрика, свойствами, саркофаг* – это сооружение с функцией защиты от источника экологической опасности) или отражать перенос названия частей человеческого тела на конкретные предметы и части предметов по принципу *нотомо mensura* (*бровка, скула*).

Существительные второй подгруппы обозначают особые, «самые» места – самое густое или глухое (*гуща, дыра*), очень маленькое (*лоскут*) или извилистое (*серпантин*) и т.д. Эта «особость», «самость» была и в первом значении рассматриваемых слов в качестве потенциальной семы, она и обусловила выбор этих слов для пространственных оценочных номинаций.

Лексемы, в которых по метафорическому типу переноса происходит утрата пространственного значения, обозначают природные или созданные человеком и уже хорошо освоенные реалии. Большинство из данных слов во вторичных значениях теряют семы конкретных пространственных объектов (*богадельня, конура*) и приобретают коннотативную сему отрицательной оценки помещения, отмеченного человеческим присутствием. Лишь небольшое количество слов развивает положительные семы (например, *святылище*). Далее процесс метафоризации идет по пути освобождения от

пространственного значения вообще в трех направлениях: к состоянию, свойству, качеству, которые испытывает, претерпевает, имеет в этом и других подобных местах человек, к характеристике какого-либо рода деятельности, преимущественно с отрицательной оценкой (*ад, базар*); к качественно-количественному признаку, который для этого места характерен и очевиден и потому может использоваться для характеристики других, часто нефизических реалий (*океан, море, лес, бездна*); к характеристике человека, чаще – его отрицательных личностных свойств или неприятного внешнего вида (*бугор, будка, каланча, мельница*).

Совершенно справедливо мнение о том, что смысл слова в высказывании не исчерпывается его толкованием. Анализ материала в следующих главах показал, что функционирование языка в разных сферах и средах общения корректирует пределы действия названных нами процессов, поскольку соотношение прагматики, объективной заданности, интерпретационной возможности и субъективно воспринятой потенции в данных сферах существенно различно (ср., например, пределы возможностей выражения субъективного и объективного в публицистической, разговорной, научной и художественной речи). Наш материал (в том числе анализ словарных статей таких слов, как *аспирантура, больница, страна*) ставит вопрос о возможностях такой корректировки уже в словарях (ср. в докладе Ю.Д. Апресяна на Седьмых Шмелевских чтениях, а также в статьях ученого о создании активного словаря русского языка).

В третьей главе исследованию подвергаются тексты «Российской газеты» (далее – РГ), «Комсомольской правды» (КП), «Известий» (Изв.) за 2006 и 2007 гг., но по мере необходимости и за 2000, 2002 и 2003 гг., а также некоторые другие газеты («Аргументы и факты», «Спорт-экспресс» и др.), документы «Известий» из Национального корпуса русского языка – сайт www.ruscorpora.ru (далее – НКРЯ), общий объем проанализированного материала – около 450 тыс. словоупотреблений.

Обязательная для содержания всякого текста СМИ пространственная конкретизация (*где?*) в газетных (названия газетных статей далее даются прописными буквами) манифестируется в четырех типах: реальное пространство события, пространство контактного фона реального события, концептуальное пространство (политическое, экономическое, социальное, конфессиональное, культурное, психическое и т.д.), пространство ассоциативного фона события (соотношение типов в среднем такое: реальное – 36%, контактного фона – 28%, концептуальное – 25%, ассоциативное – 11%).

Под **реальным пространством события** понимаются такие манифестации ориентации человека и предметов, актуальных для его ориентации, которые являются зримыми компонентами отображаемой ситуации. Например, в статье *СУДЕЙСКОЕ НОВОСЕЛЬЕ* (РГ 23.06.06) такими ориентирами являются *Поварская улица в Москве, здание Верховного суда, могила Неизвестного солдата*. Прочитируем начало текста: *Визит на Поварскую улицу в Москве, к новому зданию Верховного суда, Владимир*

Путин сделал после того, как возложил цветы к могиле *Неизвестного солдата* в память о годовщине Великой Отечественной войны. **Пространством контактного фона реального события** мы называем такие манифестации ориентации, которые являются зримыми компонентами ситуаций, привлекаемых автором в связи с целеустановкой текста. Например, в статье *БАЙКАЛ НА ПРОДАЖУ?* (РГ 30.11.06) рассматривается вновь обострившаяся проблема Байкала. Для доказательства всероссийского масштаба проблемы загрязнения водных ресурсов и приводятся следующие данные: *Тотальное загрязнение всех российских рек привело к тому, что по данным Росгидромета ни из одной реки России нельзя брать воду для питья без предварительной глубокой очистки и обеззараживания. Ориентиры российских рек, ни из одной реки России относятся к фоновым для данного события пространственным манифестациям.*

Концептуальным пространством считаются такие манифестации ориентации человека и предметов (чаще – умозрительных сущностей), которые существуют в ментальной сфере его деятельности, эти характеристики вторичны, «списаны» с опыта реальной ориентации: *На этот раз они постарались отойти от российской тематики и углубиться в международные проблемы* (РГ 12.12.06). Чтобы отличить концептуальное пространство от пространства ассоциативного фона события (о котором ниже), тоже основанного на явлении вторичного лингвосомиозиса, необходимо учесть, что в итоге формирования концептуального пространства утрачивается установка на прямую номинативную преобладанность с предметом первичного знакообозначения, в результате чего вторичная номинация теряет семантический коннотативный «шлейф» первичной. В семантике остаются только рациональные, ментальные смыслы (ср. мнение Н.Д. Арутюновой о том, что, создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом).

Пространство ассоциативного фона события наиболее тесно связано с воздействующей функцией языка масс-медиа. Данное пространство вводится в текст в первую очередь из-за коннотативной ауры компонентов, существующих в нем или образуемых в результате «смены» денотата. Особенно интенсивно ориентиры ассоциативного фона используются в заголовках и политических статьях: *НАШЕ БУДУЩЕЕ: ТОПЛИВНАЯ ИМПЕРИЯ ИЛИ КОЧЕГАРКА ЕВРОПЫ?* (Изв. 17.01.06). В манифестациях пространства ассоциативного фона события знак вторичной номинации сохраняет смысловую связь с семантикой знака первичной номинации, эта связь поддерживается двойной референцией слова, употребленного в переносном значении. Прямой референт слова намеренно, стилистическим «усилием» автора текста остается как бы на втором плане и, создавая эффект «совмещенного видения двух картин» (Н.Ф. Алефиренко), обеспечивает переносному словоупотреблению метафорическую образность (об образном потенциале пространственных номинаций: Н.Ф. Алефиренко, В.Г. Гак, В.М. Топорова, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, А.П. Чудинов и др.). В диссертации доказывалось, что при формировании в

СМИ реального и концептуального пространств ведущей является информативная функция, а при введении манифестаций пространств контактного и ассоциативного фона события – воздействующая. Два последних типа пространств и позволяют осуществлять в СМИ контроль над «смыслопорождением».

Структурно-семантический анализ конструкций с пространственной семантикой, а также использование элементов трансформационных методик при учете достижений лингвистов в области теории референции позволил заключить, что смысл *где?* как конкретное, реальное место, базис всякой газетной информации обычно занимает начальную позицию в тексте («принцип перевернутой пирамиды»). Однако в заголовке семантика реальной пространственной ориентации чаще уходит на второй план, вплоть до затекстового фона, понятного только подготовленному читателю. В подзаголовке и предтекстовой врезке содержится пространственный «инстант» (термин А.Д. Шмелева), который в данных случаях, как правило, занимает позицию ситуанта: *В середине прошлой недели в Ижевске глава государства участвовал в совещании по развитию агропромышленного комплекса* (РГ 27.06.06). Пространственный ориентир может находиться и в присловной позиции – чаще прилагательной *В середине июня 1995 года Шамиль Басаев напал на больницу в Буденовке* (Изв. 16.06.06), конкретизируя рему высказывания, в случае если газетный текст одним из главных считает ответ на вопрос *где?*, или уходит в дополнительные, неосновные пропозиции: в причастные или деепричастные обороты, в субстантивные словосочетания, то есть свертываясь в структуру, передающую не базовую информацию. В последнем случае коммуникативный фокус перемещается на оценочные, характеристические высказывания.

Наиболее распространенная схема воплощения реальной пространственной семантики: в заголовке – в интригующем контексте *E-MAIL: НА ДЕРЕВНЮ, В КУЗЬКИНО* (РГ 13.03.02); *НА ПЛЯЖЕ ШАРМА И КЕМЕРА ВЫБИРАЮ КАВАЛЕРА* (КП 17.06.06), в подзаголовке, предтекстовой врезке – в прямом, реальном значении (компоненте темы высказывания, синтаксической позиции ситуанта), в тексте статьи – волнообразно, в реме / теме основного высказывания, а также в свернутом виде, и все это в зависимости от текстовых задач – представлять факты события (*кто? что? где? когда?*) или характеризовать их, давать им социальную, политическую, экономическую и т.д. оценку (*как? почему?*). Особо значима для передачи «новых», текстовых смыслов позиция ремы. Эта позиция реального пространственного ориентира, особенно в заголовке, обычно является сигналом «наращения смысла», рассчитанного либо на дискурсивную компетентность: *ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ «ЮКОСА» УМЕР В ЛОНДОНЕ* (РГ 12.01.07) – постпозиция ориентира «отсылает» к информации о недавней смерти А. Литвиненко, либо на когнитивную способность адресата: *Рядовой Андрей Сычев после новогодних праздников*

оказался *на госпитальной койке* (РГ 14.06.06): рематическая позиция – сигнал того, что он был избит.

Концептуальное пространство в СМИ формируется, на наш взгляд, тремя способами: лексическим, собственно синтаксическим, семантико-синтаксическим. Лексический способ заключается в использовании в данном типе пространства таких существительных, как *сторона, сфера, область, пространство, зона* в переносных значениях, причем номинации типа *сфера, пространство, поле, рамки* употребляются для того, чтобы создать смысл границ, пределов существования определенного неконкретного явления; номинации типа *направление, путь, стезя* формируют направленность отвлеченных процессов; номинации типа *коридор, окно, ниша, база, фундамент* обозначают формы, способы проявления, значимость определенных явлений. Особой употребительностью в нашем материале характеризуется лексема *сторона* (ср.: 1026 употреблений этой лексемы и, например, 567 – лексемы *сфера*). Функциональная «многоликость» лексемы позволяет говорить о ее своеобразной терминованности в публицистическом дискурсе. Собственно синтаксический способ заключается в функционировании в нем структур с общим значением (пропозициями) существования (в иной логической и коммуникативной перспективе – характеристики) и движения: ***В правительстве*** (существование) *сейчас начинают меняться подходы к регионам* (движение) (Изв. 27.12.06). Семантико-синтаксический способ заключается в изменении синтаксических ролей существительных + *локатив* (термин Ч. Филлмора). Существительные типа *банк, магистраль, здание* в концептуальном пространстве выполняют преимущественно семантические роли объектов общественного интереса, а не ориентиров местоположения человека.

Особо значимо для публицистического дискурса использование слов + *локатив* (типа *страна, столица, регион*) в семантической роли субъекта, «олицетворенного нечто» (в нашем материале зафиксировано, что номинации типа *Россия, Украина, США* и под. употребляются в среднем в роли семантического субъекта в 2,5 раза чаще, чем пространственного ориентира): ***МОСКВА ОТРИЦАЕТ, ЧТО ВЕДЕТ ПЕРЕГОВОРЫ О ВЫКУПЕ ЗАЛОЖНИКОВ*** (Изв. 14.06.06); ***Регионы примеряют на себя новые условия работы после вступления России во Всемирную торговую организацию*** (РГ 20.12.06); ***Австралия и Португалия выясняют отношения в Восточном Тиморе*** (РГ 14.06.06). Функционирование предложений данного типа является следствием стремления к короткому пути привлечения внимания аудитории при сохранении высокого уровня абстракции. Существовая в контексте социальной (экономической, политической) информации, предложения с «нетипичным» для языковой нормы субъектом осознаются через канал привычной формы из арсенала «наивной картины мира» (*Люди отрицают, примеряют на себя новые условия работы, выясняют отношения*). Рассматривая проблему редуцированности языковых образов объектов, Е.В. Рахилина заявляет, что они «видятся» носителю языка как в

той или иной мере сопоставимые с человеком и приспособленные к его жизни. Наш анализ полностью подтвердил это заявление. Вероятно, такой языковой образ объекта – «олицетворенного нечто» создается в СМИ для достижения необходимого контакта с широкой аудиторией, как средство влияния на нее. Если человек как деятель уходит из сферы, то наделяет «настоящего» героя этой сферы своими качествами. Специфика формирования концептуального пространства в публицистическом дискурсе заключается в стремлении выразить отвлеченный смысл, «поймать» в зримые рамки абстрактные сущности разных неконкретных сфер деятельности человека (политической, экономической, собственно ментальной, конфессиональной, культурной и т.д.), дать возможность этому смыслу там себя проявлять: находиться и перемещаться, но остаться в пределах доступности широкой аудитории.

Манифестации пространства контактного фона события, формируя медиа-событие, интерпретируют действительность. В частности, анализ статей на одну и ту же тему из разных газет позволил заключить, что субъективная интерпретация мира конкретным журналистом, или – шире – конкретным изданием, отражающаяся в выборе «дополнительной информации» (О.Р. Лащук), выражается в целенаправленном отборе манифестаций ориентиров этого пространства. Их выбор из множества других пространственных реалий ситуации всегда служит целеустановке автора текста. Манифестации пространства контактного фона события позволяют порождать новые смыслы, реализовать заданные средой общения цели и в итоге формировать даже ложные образы действительности. В диссертации рассматриваются конкретные примеры из разных газет, демонстрирующие эту субъективность в представлении и интерпретации одного и того же события.

Манифестации пространства ассоциативного фона события в газете представлены широко, особенно активно они употребляются в заголовках и в тех статьях, в которых воздействующая функция занимает существенное место. Известная фраза оператора к режиссеру *С какой стороны снимать?* в данном случае может быть перефразирована так: *Что дать в качестве ассоциативного фона, чтобы усилить нужную или ослабить нежелательную оценку события?* Пространство ассоциативного фона, с одной стороны, позволяет легче воспринять основную информацию текста, но что особенно важно для данного дискурса – завуалировать в образную форму пристрастную оценку.

Основными способами введения манифестаций ассоциативного фона события является «оживление» концептуальной метафоры путем расширения пропозициональной основы, из которой она взята: *Потому что Туркменбаши репрессировал всех, кто хоть как-то **вырастал на политическом поле и колол ему глаз*** (КП 22.12.06); использование ресурсов синонимии *Причем списки должны быть везде, где есть **калитки*** (ср.: окно, коридор) *через границу* (РГ 20.12.06); «речевых» метафор с «незапятнанным»

публицистическим прошлым и потому сильным воздействующим потенциалом: *Россия всегда жила идеями и никогда не станет супермаркетом, куда будут заходить люди ради потребления* (РГ 21.12.06), а также таких хорошо изученных в литературе средств выразительности, как крылатые выражения, фразы из прецедентных текстов, квазицитирование (Е.А. Земская, В.В. Красных, Ю.А. Сорокин, И.М. Михалева, Ю.Н. Караулов). Задача журналиста заключается в том, чтобы заставить читателя поверить, что общая пространственная картина текста – вместе с ориентирами ассоциативного фона – не плод его выдумки, его замысла, а реальное положение дел. И тогда коннотативный шлейф метафорических ассоциаций, через канал использования ресурсов «скрытых смыслов», войдет в рациональную область познания мира.

В четвертой главе исследуется специфика представления пространственного смысла в РР. Общий объем исследуемого материала – около 380 тыс. словоупотреблений. Бурное развитие в лингвистике семантического, когнитивного, дискурсивного направлений позволили посмотреть на РР как на сферу совершенно особого (по сравнению с другими, производными, вторичными сферами) взгляда на мир. Полная или почти полная раскрепощенность общающихся влечет за собой важную черту такой речи – отсутствие самоконтроля, то есть рождение фраз в истинно свободном творчестве, без оглядки в производстве речи на не участвующего в общении третьего: публики, ради которой политики проводят между собой дебаты; читателя, ради влияния на чувства, эмоции, духовный мир которого писатель организует общение героев; закона, ради соблюдения которого власть предержащие формулируют «нисходящие» бумаги; объективной истины, в связи с выявлением которой формируются научные построения и т.д. Основная функция живого общения – коммуникативная, и данный факт не требует доказательств: в условиях развитой системы функциональных стилей именно РР обеспечивает возможность просто пообщаться.

Известная мысль об обязательных *где* и *когда* как составляющих всякого текста по отношению к РР имеет специфику, связанную с конситуативной зависимостью речевого акта. Иными словами, пространственная детерминация информации в сообщении в РР так же обязательна, как и в любой другой сфере общения, однако она может осуществляться невербально. Анализ текстов РР с точки зрения вербализации/невербализации пространственного ориентира (в нашем материале высказывания со значением пространственной ориентации, но без языковой формы ее воплощения составляют в разных записях от 30 до 40% всех высказываний с этим значением), позволил предложить четыре причины такого явления:

1. В ситуации, когда место общения и предмет разговора совпадают, говорящему достаточно жестом, взглядом, любыми другими невербальными средствами указать на ориентир, чтоб его актуализировать. В предложениях динамического типа на обязательность позиции пространственного

ориентира указывает и дистрибуция глагола (М.В. Всеволодова). Например, входя в лес, партнёры коммуникации произносят *Вот и пришли* (СРР), включая в акт коммуникации реальный денотат. Директив-финиш в данной фразе грамматически предсказуем и из ситуации семантически однозначен.

2. Понятие конситуации, введенное московскими исследователями РР, предполагает, наряду с чувственно-визуальными компонентами общения, наличие частно-апперцепционной базы говорящих (Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев). Например, в стереотипных житейских ситуациях (пробуждение, еда, уход на работу, приход домой) ориентир не называется в связи с его константностью для общающихся, вхождением в частно-апперцепционную базу.

3. Внимание к пресуппозициям как основе коммуникации, интерес к включению в акт коммуникации действительности особенно характерны для психологического (Л.С. Выготский) и логико-грамматического (Н.Д. Арутюнова) направлений лингвистических исследований. Думается, для когнитивной лингвистики представляется важным следующее: разговорная, обиходно-бытовая речь чаще, чем другие формы речи, освобождает себя от всего, что компенсируется знаниями об окружающем мире (и пространственной ориентации в том числе), которыми обладают все говорящие на данном языке, «некоторым фоном общих знаний, свойственных носителям языка» (Е.А. Земская). Данная сфера общения более свободно прибегает к услугам, скажем так, "когнитивной" памяти.

4. Отсутствие вербального выражения ориентира в репликах с значением пространственной характеристики события, то есть незамещённость синтаксической позиции этого семантического компонента, может являться следствием его "опережающего" присутствия во фразах-бытийных номинациях, эмоциональных оценках. В этом случае можно говорить об «экспансии именительного падежа»: *Берёзка / подойдём?* (СРР); *Это берёзовый бор/ это сосновый бор// Еле допёрлись* (до этого места – О.М.) (СРР); *Такая поляна хорошая // Вас сфотографировать?* (на поляне) (СРР); *Какая машина!; Сяду?* (СРР). Существование в РР таких конструкций: бытие предмета, его эмоциональное восприятие и далее характеристика пространственной ориентации относительно этого предмета – объясняется следующим: во-первых, номинатив позволяет ввести предмет в ткань повествования без грамматических усложнений. В этом отношении необходимо согласиться с тем, что номинация, введение предмета в область речевых интересов утверждением его бытия является первым этапом познания (Н.Д. Арутюнова). Во-вторых, в аспекте непринужденной речи (всякое познание начинается с удивления – Аристотель), номинативные предложения легко включают (это важно!) эмоциональный компонент: любования, восхищения или, наоборот, негодования по поводу предмета – потенциального ориентира, то есть такие семантические типы предложений имеют больше шансов появиться в непринуждённой беседе, в свою очередь влияя на грамматическое оформление последующих фраз, точнее – облегчая

данное оформление (ср. размышления В.И. Шаховского о том, что осмысление любого события начинается с чувствования).

Как известно, возможны два типа ориентации предмета А относительно предмета В: относительная и абсолютная, первому типу соответствует дейктическая стратегия, второму – недейктическая. В.Г. Гак, рассматривая синтаксические структуры, описывающие локальные отношения, утверждает, что основной формой выражения локализатора является существительное с предлогом, а наречие места всегда выступает как вторичное средство обозначения пространства в условиях дейксиса или анафоры. М.В. Всеволодова, характеризуя поле локативности, выделяет микрополя объективной («ФСК именной локативности») и субъективной («ФСК наречной локативности и нек. др. средства») пространственной ориентации. Как можно предположить, для РР, в связи с ее ситуативностью, непосредственностью, должна быть более характерна дейктическая стратегия, однако наш материал показал, что вербализация пространственного ориентира формой существительного встречается чаще, чем другими языковыми средствами (высказывания с ориентиром – существительным составляют до 45% всех вербализованных ориентиров). Осуществляется такая вербализация по следующим причинам: 1) не являясь целью коммуникации, ориентир введен потому, что слушающими может интерпретироваться неоднозначно (в этих случаях говорящий сразу или по ходу беседы предполагает, что апперцепционной базы для успешной коммуникации недостаточно): / *Ну и вот э... понимаешь <...> в общем если б я не уехала щас сюда/ то я б сегодня великолепно загорала на Сыр-Дарье* (рема) <...> **Там** (тема) *источник очень хороший// Сероводородный// Пряма на Сыр-Дарье* (постпозитивное дополнение) (МРР); 2) ориентир входит в коммуникативный фокус высказывания, является компонентом новой для собеседников информации, например: *Я просто видела/ как Путин/ посмотрев/ сказал// Ну/ в Лондоне я это показал бы/ а вот в Париже/ думаю/ не стоит* (СРР); 3) вербализация ориентира связана с более выраженным, по сравнению с обычным, эмоциональным фоном акта коммуникации: *Чё-то остро. Я села на осиное гнездо!* (СРР) – вскрикивает (вероятно, от боли) во время прогулки один из партнёров коммуникации; *Не стойте в коридоре, проходите сразу в комнату* (МРР) – любезно приглашают хозяева. (Ср. обычные варианты встречи: - *Проходи/ с прошедшим тебя праздником - Привет// - Привет/ заходи//* (МРР); *Смотри как за окошком красиво/да? Кружевное все//* – мать пытается расшевелить погрустневшую дочь – (дочь, ворчливо) *Ниче красивого нет// Мне это уже надоело* (МРР).

В этих и подобных - многочисленных в нашем материале – случаях созданная говорящим яркая словесная «картинка» ситуации является следствием особого настроения говорящего, попыткой передать этот настрой собеседникам. Заметим, что употребление таких предложений не зависит от того, входит или нет ориентир в тему или в ремю высказывания, является или

нет сообщение ситуативно прикрепленным. Более того, в нашем материале такие предложения довольно часто встречаются именно тогда, когда предмет речи и предмет ситуации совпадают, что, казалось бы, противоречит тенденции к экономии языковых усилий в РР. Видимо, потребность «выплеснуть» эмоции словесным способом в данном случае оказывается сильнее потребности сэкономить речевые усилия.

Механизм «наращения» смысла в рематической позиции используется в СМИ в качестве стилистического средства, вероятно, в РР наблюдаются истоки формирования данного механизма. В беседах, особенно фатической направленности, к информации о местоположении человека (или предмета) может «прирастать» соседствующая с этим местом в нашем когнитивном опыте оценочная и некоторая другая характеристика: *Как живёшь? Вся жизнь на тахте/ рядом телефон / и телевизор// Вот у меня м... такая вот жизнь/ в Москве// Из дома не вылезешь лишний раз* (МРР). Ориентир из больницы в следующем фрагменте: *Мария Михайловна спросила// А Вера – то знает? Что Вы выписаны из больницы? Что Вы собираетесь уезжать? Вы-то ей сказали? Он ей ответил на это что мне/ сейчас не до этого/ мол всякими мелочами заниматься* (СРР) – вербализован по причине его особой оценочной и содержательной нагрузки, он имеет смысл осуждения некоего «его» за невнимание к болезни коллеги. Ориентир, прогнозируемый дистрибуцией глагола *уезжать* (куда?), не вербализован, так как не попал ни в область сугубо информативного, ни особого, фатического интереса. Ю.Н. Караулов, исследуя обыденное языковое сознание при помощи ассоциативного эксперимента, утверждает, в частности, что «при массовом масштабе такого эксперимента каждое слово-стимул «обрастает» ассоциативным полем грамматически, семантически, когнитивно связанных с ним слов-реакций». Думается, этот эксперимент демонстрирует «кухню» отмеченного нами процесса «наращения смысла». Эмоциональный компонент и в языке, и в речи соседствует с воздействующим, и вербализация пространственного ориентира в рематической позиции формой существительного содержит резерв такой информации, которая может использоваться для выражения оценочных смыслов и реализации функции воздействия.

С эмоциональным компонентом РР может быть связан и выбор конкретного падежного значения, конкретной падежной формы. Как показал материал, падежные значения винительного и предложного падежей с предлогами *в* и *на* в непринужденной, неподготовленной, ситуативной речи, речи преимущественно на бытовые темы, относятся к наиболее прагматически ориентированным, Менее частотные значения фиксируют нечастотную и, нередко, непривычную, «неловкую» для человека ориентацию, которая сопровождается напряженным эмоциональным фоном: *Мой сын/ значит/ как-то умудрился/ я не знаю/ как-то ему там дали две справки (смех)// А я ему говорю// Говорю/ Вовка ищи свой дневник/ он говорит я его не знаю/ где он у меня этот дневник// Лазал лазил/ где-то под кроватью нашел дневник* (СРР).

Пространственная детерминация события в текстах РР и в случае ее вербального воплощения формами существительного, и в случае отсутствия таковой (существования в общей и частной апперцепционной базе говорящих или в визуально-чувственной ситуации) поддерживается дейктическими средствами, в первую очередь местоименными наречиями. В нашем материале местоименные наречия в роли пространственных ориентиров выступают в среднем в 28% случаев из числа вербально выраженных пространственных ориентиров: (предлагает переставить коробку) *А ты положи туда лучше/ а то тут еще...* (МРР); (о посуде на столе) *А это я здесь оставлю* (МРР); - *Знаешь где сода? – Посмотри (показывает) вот здесь вот* (УРР); (утро, супруги спустились из комнаты, где спали, на веранду дачи): - *А где мой телефон?* - (ответная реплика не сопровождается жестом, ориентирована на общность апперцепционной базы) *Там* (наверху, где только что были) *остался* (СРР).

К дейктическим средствам выражения значения пространственной ориентации относятся и наречия типа *внизу, наверху, близко, рядом*. Такие наречия отражают ситуативный характер РР в том смысле, что сама ситуация может войти в речевую ткань в оценке пространственного отношения человека к ней и ее компонентам. Таким образом формируются «точки» относительной, субъективной ориентации. Говорящий, его собеседники, третьи лица находятся чаще всего на земной поверхности и могут детерминировать свое сообщение собственно дейктическими ориентирами. Однако частотность таких форм в нашем материале значительно уступает местоименным наречиям.

Одним из специфических в РР черт концептуализации пространства является личное пространство: *У меня* (в моей комнате) *не убирай/ сама справлюсь//* (СРР); *Слушай/ какие у тебя* (в твоём доме) *цветы-то* (СРР); *Выйди на минуточку* (из своей комнаты) */ я тут у тя пропылесосу* (МРР); *А я смотрю/ у вас* (в вашей квартире) *нет света/ а в Галкином окне есть свет//* (СРР); *Они в октябре только уехали// До этого они у нас/ два раза живали* (МРР); *У нас* (в университете) *китайцы вот приехали* (СРР); *А у нас последнюю пару отменили* (МРР); *Пошел я как-то на пост наблюдения/ У нас* (в военном гарнизоне) *там вышка такая/ вот по ней бродим/ смотрим по сторонам* (УРР); *У меня* (туда, где я сижу в данный момент) *грязно, не садись* (СРР).

Реальное личное пространство в РР, с одной стороны, довольно константно – это дом, место работы, учебы, обычного проведения досуга, с другой - очень подвижное и размытое понятие, это может быть любое место, на которое в данный момент распространяется «влияние» говорящего или других участников общения. Фраза *А тут я открывала/ у меня гостиница стояла на берегу этого залива/ во Владивостоке/* (СРР) принадлежит человеку, который приехал во Владивосток и таким образом (*у меня гостиница*) начал осваивать его пространства. Еще не принятое в свое, пространство обычно именуется полнзначным именем, абсолютным

ориентиром: (о предстоящей поездке) *От медведя в тайге* (не у нас – О.М.) *никуда не денешься// Да это точно// - В тайге/ эх/ как я дуну* (СРР).

Возвращение к основной для языка форме выражения пространственной ориентации в РР, кроме случаев информативной стратегии, происходит тогда, когда говорящий пытается передать, помимо рациональной, объективной информации, свои интенции, на выраженном эмоциональном фоне. См. характерный в этом отношении диалог: - *Нин/ ты убиралась в моей комнате?* (вместо частотного – у меня) – *Я немного пыль протерла// - Не трогай ты ничего на моем столе!* (ср.: у меня)// *Опять все не так лежит!// - Ну извини* (МРР).

Местоименные формы дательного падежа с предлогом *к* (*ко мне, к нам, к тебе* и т.д.) в РР имеют те же функциональные характеристики, что и у-локализаторы (однако они встречаются в нашем материале в три раза реже): *Пойдем ко мне / Я тебя угощу* (СРР); *Они были под угрозой раскулачивания/ и они туда бежали к ним* (МРР 97); *Вот к ней конечно все и шли* (УРР);

При выделении типов пространств в РР необходимо учитывать несколько оппозиций: на первом этапе анализа пространство (или, точнее, пространства) темы разговора и пространство ситуации разговора. Пространство ситуации разговора всегда реальное, как естественно предположить, это оно первым в процессе приобретения человеком навыка речи и вербализовалось. Это пространство не может не быть предметом разговора уже потому, что человек всегда несвободен от земной обусловленности, в естественной житейской ситуации эта «несвобода» себя естественно проявляет: «ситуация вплавляется в речь»: - *И вдруг после этого какое-то выступление... и уже/ лицо// Трясти начало/ я еще удивился/ скока же лет-то выступал/ таким бодрым был// - Да-да/ заметно// Ужасно// <...>* (во время разговора в комнату вносят какие-то предметы и все пытаются их удобнее для одного из собеседников поставить) *Выгружаем// Сюда?// - Да// - Куда?// Может быть/ ей туда удобней//* (СРР). Именно в ситуации РР человек реализует свои физические и физиологические потребности: координирует относительно объектов, ест, пьет, спит и т.д., а окружающая среда ему в этом помогает (или мешает).

Пространства темы (тем) разговора представлено уже не только реальными пространственными ориентирами, но и концептуальными, а также ассоциативного фона события. Однако очевидно, что реальное пространство в РР всегда абсолютно доминирует (по нашим данным сплошных выборок – от 85 до 93%), так как основное содержание разговоров при естественном общении – быт, житейские ситуации.

В связи с такими характеристиками РР, как неподготовленность, спонтанность, непосредственность, а также вообще проблемой текстовой или нетекстовой природы речевых образований в ней, разграничение манифестаций реального пространства события и контактного фона реального события не является для нее принципиальным. Манифестации

реального пространства появляются чаще всего спонтанно, без заранее продуманного плана, что и составляет специфику этой сферы общения. А пространство контактного фона всегда результат обдумывания текста.

Концептуальное пространство выражается в РР довольно редко (от 3 до 12% в разных записях), и это несмотря на совершенно справедливое мнение ученых о том, что «интеллектуальная жизнь человека усложняется», быт пронизывается техникой и что в наших записях большинство коммуникантов – люди с полным или неполным высшим образованием. Выраженность данного типа пространства зависит от профессии коммуникантов, а также темы беседы. Например: (говорящий делится воспоминаниями о своей работе) *Ну потом пошли годы/ выясн... выяснилось что я еще говорю на этом языке/ А когда вот в этом году/ мне пришлось по-английски/ каждый день полтора часа читать лекции/ то я сама удивилась/ как возвращается из где-то там непонятных подкорковых глубин/ все то... ну не все то/ но вероятно очень много из того что я знала//* (МРР). «Экстремальный» режим работы языка увеличивает, по сравнению с научной сферой и СМИ, частотность в концептуальном пространстве местоименных форм (в частности, наречия *там, у-локализаторов*).

Пространство ассоциативного фона события в РР выражено незначительно (в среднем до 3,5% от всех пространственных форм). Причины появления фраз с образными пространственными ассоциациями в основном две: потребность быстро и ярко выразить эмоции, разрядив таким образом психологическое напряжение, и, вторая, желание заняться «языковой игрой», получить эстетическое удовольствие от словесного творчества. Соответственно – пространство ассоциативного фона события представлено полярными примерами: фразами с клишированными выражениями типа: *прямо в ад попала, как сельди в бочке, с дубу рухнула*, часто оформленными в сравнительные обороты, и авторскими, описательными, нередко связанными с профессией, родом занятий говорящего: *Не бросайте немецкого языка// - Да уж/ так скать/ остался в таком воспоминании... теоретическом пассиве/ и немножечко в практическом// - в этом самом... в... / в обозе// - Да – В резерве/ но не в отставке* (СРР); *В семнадцатом году/ я была вообще как жеребенок на лугу/ рада тому шо все/ переменится* (МРР).

В пятой главе материалом исследования послужили расшифровки новостных передач 1 канала («Новости», «Время»), каналов «Россия» («Вести») и НТВ («Сегодня»), ток-шоу «Воскресный вечер» (далее – Вв) и «К барьеру» (Кб) с Вл. Соловьевым (118 тыс. словоупотреблений) и опубликованные в книге В. Соловьева «Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории» (2006) телевизионные передачи (102 тыс. словоупотреблений). (Далее – Рр.)

С газетными текстами телевизионные передачи роднит сфера и отчасти среда общения (круг читателей и круг зрителей не всегда совпадают), с разговорными сближают некоторые черты взаимодействия непосредственных партнеров коммуникации. Но именно в телевизионных

передачах хорошо заметно специфическое для СМИ явление двойного или даже тройного адресата информации: массовый зритель, тот, кому в конечном итоге и предназначается передача, непосредственные партнеры общения, а также (в ток-шоу) студийные зрители.

В новостных передачах наиболее выраженным является реальное пространство. Основные функциональные характеристики языковых средств, манифестирующих реальное пространство, в газетных и новостных текстах совпадают. Например, сообщение о месте события – важном компоненте масс-медийной информации, как и в газетной речи, находится в первых частях текста: в начале первой, чаще второй фразы анонса и обычно повторяется в исходном или преобразованном виде в тех же частях основного текста передачи – репортажа: (анонс) *Итак, в эти минуты в Дрездене проходят переговоры лидеров России и Германии* («Новости» 10.10.06); *В России продолжают обсуждать обострение российско-грузинских отношений* («Время» 01.10.06). Однако в анонсе телевизионного варианта СМИ наблюдается большая, чем в печатном, частотность постпозиции пространственного ориентира (примерно на 19% по сравнению с газетными текстами): *Драма российско-японских учений у берегов Сахалина* («Новости» 12.05.06); *Успешную операцию по задержанию членов этнической банды осуществили борцы с оргпреступностью в Орловской области* («Время» 01.10.06); *Один человек погиб в результате падения вертолета у берегов Сахалина* («Сегодня» 12.05.06). Анализ структуры и семантики анонса позволил предположить, что постпозиция пространственного ориентира часто встречается во фразах, начинающихся со слов, которые дают имя – социальную характеристику главных событий дня. См. абстрактную схему таких сообщений, обычно звучащих в начале передачи: *В эфире «Время» // Здравствуйте // Главные события дня сегодня в программе* («Новости» 12.05.06). В последней фразе мы и имеем в препозиции абстрактную номинацию *главные события* (которая в тексте самой телевизионной передачи наполняется конкретным содержанием), а в постпозиции – менее значимые на данном этапе подачи информации место и время (*сегодня, в программе*). Особое интонирование таких фраз позволяет журналисту держать в поле актуальной информации и само событие, и место его совершения (см. у Т.Е. Янко о явлении «суперпозиции ремь»).

Место пространственного ориентира внутри текста подчиняется общим правилам развертывания мысли в информационном дискурсе и корректируется ресурсами «наращения смысла» в постпозиции. Например, инстант-тема (с структурно-грамматической точки зрения - ситуант) обычно занимает препозицию: *На улицах Новосибирска сегодня тоже митинговали и тоже обманутые дольщики* («Время» 12.05.06). Инстант-рема – постпозицию: *Первую подобную систему сегодня презентовали в аэропорту Самары* («Сегодня» 12.05.06). Абстрактный референт (термин А.Д. Шмелева) может занимать препозицию в роли темы высказывания (и структурно-семантической роли ситуанта): *Мы делаем все возможное /*

чтобы помочь людям // В затопленные районы будут доставлены продукты, медикаменты, одежда и одеяла (Сегодня 12.05.06).

Однако значительно чаще абстрактный референт употребляется в рематической постпозиции, приобретая «наращенные» смыслы, которые способствуют выражению «мыслей журналиста», его оценок и эмоций. Например, во фразе соседки мужчины, расстрелявшего в штате Пенсильвания девочек *Знаете / он был таким неразговорчивым // Я часто видела его / он много делал **по дому** / работал **во дворе*** («Время» 01.10.06) с помощью пространственных примет содержится косвенно переданная мысль о, казалось бы, вполне примерном облике убийцы. Постпозиция ориентиров в следующем фрагменте текста (как инстантов, так и абстрактных референтов) при поддержке таких, основанных на синтаксических, стилистически окрашенных средств, как антонимия, параллелизм, градация, создает текстовый смысл сочувствия, сострадания, соучастия в судьбе иностранных студентов: *Студенты-медики собрались в самом центре Петербурга у дверей городской прокуратуры / накануне скончался их товарищ / двадцатисемилетний гражданин Индии // Он учился в академии имени Мечникова на самую мирную профессию / детского врача // В этом году он должен был вернуться на Родину / но в воскресенье вечером четверо неизвестных ударили его ножом **возле общежития*** («Время» 25.09.06).

Влияние РР, точнее – некоторых совпадающих компонентов способа общения, отражается в случаях более частой, чем в газетном варианте, замены полнозначной номинации на местоименную: *Доставка техники будет проходить в два этапа / сначала его переправят в Новороссийск / а оттуда на судне в один из ливанских портов* («Время» 25.09.06). Особенно употребительна местоименная номинация в репортажах с места события, то есть при реализации такой экстралингвистической черты устного общения, как ситуативность. Чем более свободной от требований среды массового зрителя становится ТР, чем больше в ней признаков спонтанности, неподготовленности, тем больше она приобретает сходство с разговорной. Роль журналистов заключается в том, чтобы умело «режиссировать» передачу, корректировать ее в аспекте целей публицистического дискурса, что значительно ограничивает «разговорные приметы», оставляя за ними функцию сигналов непринужденности, спонтанности. Доля элементов живого общения (а также иных сфер) строго дозируется журналистами или привлекается для решения публицистических задач (см., например, так называемые конструкции с суперпозицией ремы).

Что касается пространства контактного фона события, то его манифестации в речевой составляющей новостных передач не обнаружены (вероятно, это связано с жанровыми ограничениями: объект рассмотрения – репортажи с места события, главная цель которых рассказать о самом событии, происшествии в конкретном месте его совершения, а не представить его анализ в канве жизни общества и политических задач). Однако чрезвычайно интересной представляется проблема роли видеоряда в выражении замысла авторов текстов СМИ. В частности, анализ роли

визуальных картинок в композиции новостных передач позволил с уверенностью утверждать, что нередко эти картинки помогают журналистам не просто **отразить** ситуацию, но **выразить** свое видение этой ситуации, и в этом смысле пространственные компоненты видеоряда могут выполнять роль манифестаций пространства контактного и ассоциативного фона и тем самым реализовать концепцию каналов и выполнить политические запросы их хозяев (в диссертации, в частности, рассмотрены случаи влияния видеоряда на формирование пространственной метафоры). В главе содержится анализ соотношения слова и визуальной картинки с места события и оспаривается мысль некоторых исследователей о том, что картинка сокращает словесный ряд. Материал исследования позволяет говорить не о сокращении, а об изменении, преобразовании словесного ряда, более активном включении его в выражение мыслей и оценок журналиста.

Манифестации концептуального пространства в телевизионных новостных передачах основываются на тех же выделенных нами на материале газетных текстов способах, однако с другой степенью выраженности. В частности, в новостных передачах уменьшаются случаи лексического и увеличиваются – семантико-синтаксического способа. Лексический: *Мы наблюдаем увеличение сотрудничества в этих сферах и в сфере высоких технологий* («Вести» 18.02.07), собственно синтаксический: *Теперь в новых условиях такой роскоши мы себе позволить не сможем* («Новости» 19.12.06); *Все это время останки находились на экспертизе* («Сегодня» 25.09.06); *Если все эти договоренности будут выполнены / то мы реально подойдем к тому о чем говорят профсоюзы* («Новости» 25.10.06).

При семантико-синтаксическом способе существительные с потенциальной семой пространственной ориентации (+локатив), как и в печатных СМИ, часто употребляются в роли объектов общественного интереса на этапе, предвещающем их функционирование в роли ориентиров: *Мосты / которые предстоит восстанавливать россиянам / наиболее сложные* («Новости» 25.09.06); *А еще рядом возведут небольшой целлюлозно-бумажный комбинат* («Вести» 18.02.07). Но выраженность данного способа в первую очередь обусловлена использованием существительных (+локатив) в субъектной позиции, в роли «олицетворенных нечто»: *Россия перекроет все возможные транспортные каналы / по которым Грузия покупает вооружение* («Время» 01.10.06); *Иран ушел от границ мирного и немирного использования* («Вести» 12.05.06); *Япония пытается уговорить мир снова охотиться на китов* («Сегодня» 13.02.07); *Москва до конца года готова полностью рассчитаться с Парижским клубом* («Время» 12.05.06). Увеличение в телевизионных передачах частотности употребления существительных (+ локатив) в субъектной позиции (в нашем материале на 12% по сравнению с печатными СМИ) связано со стилизацией (или естественным проявлением?) в них яркой приметы разговорной речи – личности живого общения. Усиление

«человеческого начала» в общении с широкой масс-медийной аудиторией отражается в таких, например, характерных для устных СМИ фразах: *Спасибо, Милана, спасибо, Грозный* («Вести» 04.05.07).

Жанровые ограничения нашего материала и в то же время иногда близкие к разговорной речи элементы способа общения (естественная или чаще имитируемая спонтанность, непринужденность, устная форма, ситуативность и под.) мешают широкому распространению в телевизионных репортажах манифестаций пространства ассоциативного фона события, однако такие употребления все же встречаются (в анализируемом материале – 153 манифестации, ср. реального пространства – 2 847). Чаще всего это фразеологизмы или их несколько измененные варианты: *Много лет нам обещают скоростной поезд Москва – Санкт-Петербург // А до сих пор воз и ныне там* («Новости» 05.03.07); *Надеюсь / боеприпасы они не спрячут под подушку* («Новости» 10.02.07). Однако встречаются и «свежие», образные употребления обозначений конкретных пространственных ситуаций в непрямом значении, воздействующая сила которых основывается на использовании для политической оценки этой ситуации коннотативного шлейфа или коннотативной характеристики, сформированной в результате смены денотата: *Новую ситуацию нельзя сравнить с ситуацией покупателя в бутике / который покупает только из того / что уже есть на полках* («Время» 12.05.06). Имеются в нашем материале телевизионных передач и примеры использования приема «оживления» концептуальной метафоры путем оперирования синонимичными номинациями: *Окно в Европу становится более похожим на полуоткрытую форточку* («Вести» 28.02.07) или восстановления прямой номинации и «работы» сразу с двумя образами – прямым и метафорическим: (репортаж о возможном атомном испытании, проведенном Северной Кореей) *Ответ на вопрос о том / что же именно взорвали корейцы под толщей горной породы в буквальном смысле летает в воздухе* («Вести» 10.10.06).

Итак, «двойственная» природа новостных передач – с одной стороны, целеустановка заданности характера информации, ее подготовленность и с другой – имитация спонтанности отражаются на специфике выражения пространственной семантики. Мнение ученых о сближении ТР и РР, об активном структурном воздействии разговорной речи на язык сегодняшней публицистики подтверждается нашим материалом только отчасти. Естественные приметы разговорности заметны тогда, когда говорящий из-за создаваемой интимизации общения «забывается», «расслабляется» или просто не способен выйти из разговорного, бытового в другой режим работы языка. В классических, типичных и частотных ситуациях реализации публицистического общения приметы разговорности выступают своего рода «обертками», в которые вкладывается нужное для целей СМИ содержание. Эта сфера никогда не позволит допустить полного сближения с РР. Другое дело, что для реализации своих задач журналисты ищут и успешно находят новые пути использования выразительных ресурсов речевых средств других

сфер общения, в первую очередь обиходной, понятной и доступной массовому телезрителю.

Общими дискурсивными и экстралингвистическими характеристиками текстов проанализированных ток-шоу является, во-первых, то, что они создавались более спонтанно (ср. роль телесуфлера в новостных программах), хотя и были предметно ориентированы: и ведущий, и приглашенные знали предполагаемый круг тем бесед и, возможно, общий сценарий. Во-вторых, сохраняя основные черты сферы и среды публицистического дискурса (в частности, ориентацию на истинного адресата – телезрителя), эти тексты характеризуются особым способом общения – наличием прямого контакта участников диалога, в связи с чем своеобразно проявляющими себя такими характеристиками «живого» общения, как непосредственность, непринужденность, ситуативность.

В анализируемых текстах доминирует концептуальное пространство (манифестаций концептуального пространства – 778, реального – 370 и ассоциативного – 282). Оно в первую очередь представлено высказываниями, идентичными функционирующим в газетных текстах и текстах новостных передач. Однако специфика выраженности концептуального пространства в речи политиков отражается не столько в увеличении количества манифестаций этого типа, сколько в качественном преобразовании их представляющих структур. Для концептуального пространства диалогов публициста с политиками характерны высказывания, в которых как бы присутствующая в самом концептуальном пространстве фигура политика меняет **способ представления пространственных отношений**, иными словами, в результате влияния среды и формы общения несколько меняется облик структуры, в частности, она более, чем обычно (особенно по сравнению с научными текстами, о чем далее) персонифицируется, субъективируется: *В документе **мы** президента **вывели из исполнительной власти*** (Pr); *В том числе и **я** пытался, в меру своих усилий, ситуацию в **финансовой сфере** поменять* (Pr). В. Соловьев большинство бесед начинает почти одинаково: *Руслан Имранович, вы много лет **в публичной политике*** (Pr); *И вместе с тем, вы ведь много лет **находитесь в структурах власти*** (Pr) и т.д. И дальнейшие размышления участников диалога нередко сводятся к разговору о герое передачи в отношении его к политике, власти, места политика в этих ментальных областях. Например, точкой отсчета для политика, для журналиста и истинного адресата является нахождение *у власти, во власти, около власти, при власти* (лексема *власть* встретилась в 115 контекстах).

Субъективация пространственных структур связана и с увеличением относительных форм пространственной ориентации. Например, оценки жизни в политике зависят от того, кто *рядом, против, за, перед* и под. И здесь участники политического общения активно используют опыт и последствия реальной ориентации относительными пространственными формами. Основным ориентиром политической деятельности интервьюируемого является то, *рядом с кем, близко к кому* он себя

«позиционирует» или его оценивают (предлог *рядом с* встретился в 72 контекстах): Соловьев. *Вы были рядом с премьер-министром страны Кириенко* (Рр); *Где-то рядом был Чубайс* (Рр). Положительная аура когнитивного осмысления семантики предлога *перед* (вероятно, связанная со смыслами `вперед`, `с лицевой стороны`) способствует частотности данного предлога в сочетании с существительным с общим значением некоего критерия деятельности (48 употреблений в нашем материале): *В конце концов чем может отчитаться Дума перед своими избирателями?* (Рр); *Свободное голосование 25 приемников перед лицом народа* (Вв). Напротив, семантика предлога *за* (с творительный падежом) часто несет смысл действия тайных, но истинных движущих сил: Соловьев. *За блоком «Единство» стоит фигура Бориса Абрамовича Березовского, как идеолога и создателя этого блока?* (Рр). Реальный опыт изобразительной силы предлогов и наречий в СМИ демонстрируется, в частности, такой характеристикой политического перемещения» Ю. Тимошенко: Соловьев. *А стоящая за ним Юлия Тимошенко олигарх? – Я бы не сказал, что Юлия Тимошенко стоит за ним, она скорее стоит сбоку или неподалеку от него* (Рр).

Активная в газетных текстах лексема *сторона* (в диалогах – 66 употреблений этой лексемы) при данном способе общения чаще, чем в газетных текстах, реализуется в таких «антропоцентрических» словообразовательных вариантах, как *сторонник* (28 употреблений), *сторониться* (5): *За один час / за один час / вы поворачиваете в сторону Брюсселя* (Кб); *Вот моя партия, вот мои сторонники, и полный вперед* (Рр); *Всем можно, один я почему-то сторонился* (Рр). Увеличивается по сравнению с проанализированными выше разновидностями СМИ (газетной и новостной) и приближается к разговорным количественным характеристикам частотность *у-локализаторов* (в РР в среднем 4-5 на 1000 словоупотреблений, в диалогах политиков – 2-3, в газетных текстах – 0,3).

Таким образом, специфика «сетки» пространственных отношений в концептуальном пространстве анализируемых диалогов связана, во-первых, с усилением человеческого фактора: политик, в отличие от создателя газетного текста, нередко представляет себя в самом концептуальном пространстве, и ориентиры относительных пространственных характеристик реального пространства используются им для политических характеристик и оценок. Во-вторых, непосредственный контакт партнеров коммуникации способствует активизации «личных» форм: *сторонник* вместо *сторона*, частотности *у-локализаторов*, кроме того, характерная для газетных текстов и новостных телевизионных передач субъектная позиция номинаций типа *государство, столица* и их эквивалентов-имен собственных в ток-шоу часто возвращает себе «человеческий облик»: *Лукашенко боится потерять власть <...> и мы не должны соглашаться чтобы он приезжал / из Минска в Москву / вот чего он боится /у него остался один коридор* (Кб).

Реальное пространство в диалогах чаще всего манифестируется не как предмет разговора, а как способ иллюстрации того или иного тезиса участника общения, поэтому его манифестации редки, и в диссертации не

проводится разграничения в анализируемых текстах реального пространства события и пространства контактного фона реального события. Наиболее типичными ориентирами реального пространства в нашем материале являются номинации-инстанты *Москва, город* (27 употреблений), *Россия, страна* (14), *Белоруссия* (12); *Санкт-Петербург, Петербург, Питер* (8), *Минск* (8), *Чечня* (7). Преимущественной синтаксической позицией для этих и подобных номинаций служит ситуант – тема высказываний (65 из 104 употреблений): ***В Санкт-Петербурге считалось, что шансов у нас никаких*** (Рр); ***В Швеции, как мы знаем, премьер-министра убили, его никто не охранял*** (Рр); ***В Америке, в Огайо, избиратели подали в суд с требованием признать выборы президента неверными*** (Рр). Причем данные ориентиры в половине случаев используются в предложениях – политических, социальных оценках (чаще отрицательных), касающихся политической, социальной ситуации в России, Москве и т.д.: ***В Москве появились чеченские бандитские «крыши»*** (Рр); ***На территории Белоруссии пропадают люди / наши с вами коллеги*** (Кб); ***В России все непредсказуемо*** (Вв).

Второй по частотности позицией для ориентира-инстанта является присловная в субстантивном словосочетании как компонента свернутой пропозиции (39 употреблений): ***И в нынешней трагедии в Чечне виноваты обе стороны*** (Рр); ***Этот маленький анклав создает огромные преимущества для американцев на Дальнем Востоке*** (Кб). Номинации-инстанты могут употребляться и в рематической, чаще приглагольной позиции. Для абстрактных референтов характерна рематическая позиция (70 из 109 употреблений): ***Милиционеров мы постоянно встречаем в коммерческих структурах, в пунктах обмена, на рынках, притом выглядят они сытыми и довольными*** (Рр); ***Потому что уже не можешь подняться на этаж начальства, чтобы поругаться*** (Рр); ***Вы хотите что / они снова будут жить в бараках*** (Кб). В большинстве случаев такая позиция – сигнал «наращения смысла»: ***встречаем (милиционеров – О.М.) в коммерческих структурах, в пунктах обмена, на рынках*** – `милиционеры выбирают доходные места`, ***уже не можешь подняться на этаж начальства*** – `постарел, потерял некоторые качества принципиального политика`, ***будут жить в бараках*** – `будут жить плохо, бедно`.

Специфика выражения в ток-шоу пространства ассоциативного фона события заключается в том, что манифестации этого пространства обнаружены нами не у всех политиков. Например, в диалогах с Р. Хасбудатовым, Вл. Рыжовым, Ю. Скуратовым, Дм. Рогозиным, А. Кудриным ассоциативные пространственные ориентиры не замечены (не употребляет их и В. Соловьев в беседах с этими политиками), у других политиков наблюдаем чрезмерную насыщенность такими манифестации и/или их определенную тематико-эмоциональную направленность (эту склонность к ассоциативным характеристикам В. Соловьев хорошо чувствует и активно провоцирует): Соловьев. ***А футбол мы как выиграем?*** – Жириновский. ***Очень просто, в каждом дворе будут играть.*** – Соловьев. ***А если команда проиграет, то старшего тренера на виселицу?*** –

Жириновский. *Они не возвращаются в страну. Лишаются российского гражданства. Жены в сумасшедший дом, дети - в детский дом. Вот пускай он думает там, что он никогда не вернется в Россию, жена погибает в дурдоме, а детей насилуют в интернате* (Pp). Иными словами, если по реальным и концептуальным пространственным ориентирам можно идентифицировать фракцию, партию, должность, которую представляет политик (например, в диалогах с Лужковым активна номинация *Москва*), то по манифестациям ассоциативного фона – чаще самого политика, его личность. Наличие ориентиров ассоциативного фона находится и в зависимости от степени накала эмоций, особенно это показательно на примере ток-шоу «К барьеру», что продемонстрировано в диссертации.

Активность пространственной ориентации на основе номинаций *карман* (47 употреблений), *кошелек* (8 употреблений) связана, вероятно, с «личностным» осмыслением в среде непосредственного общения экономического феномена «бюджет»: *А это значит на законных основаниях, с помощью юристов, брать деньги из кармана государства и переводить в свой карман* (Pp); *Мой кошелек набит / но не очень туго / мне хватает// Кошелек России / категория очень сложная* (Bv). Противоречие между сферой общения, предполагающей оперирование понятием `бюджет`, и средой, рассчитанной на личный разговор его участников, разрешается компромиссом – выбором приемлемого средства выражения необходимого «экономического» смысла.

Спонтанность и неподготовленность речи публичного человека не снижает ее выразительности: Соловьев. *В мягкое подбрюшье России абсолютно жестко вмешалась политическая воля Соединенных Штатов и нанесла удар по тому, что Россия воспринимает как зону своих национальных интересов* (Pp); С.Б. Иванов. *Если вы намекаете на занятия спортом, то – увя. Когда был студентом, играл и в футбол, и в баскетбол <...> А сейчас – нет времени. У меня ведь режим: постель, ванна, лифт, кресло. И потом в обратном порядке то же самое поздно вечером* (Pp).

В шестой главе объединены для рассмотрения такие, казалось бы, полярные типы речи, как научная и художественная. Однако их объединение не является случайным, оно мотивировано общим сущностным свойством – зависимостью специфики выражения пространственной семантики от сферы, а не среды общения.

НР обслуживает сферу оперирования абстрактными сущностями, полученными в результате аналитической, ментальной деятельности человека. С одной стороны, она является **итогом** наблюдений над реальной действительностью, с другой – **средством** выявления сущностных свойств этой действительности, поэтому теоретические предпосылки формирования НР определяют существование в ней реального и концептуального пространств. В качестве материала исследования типов пространств взяты преимущественно научные монографии из нескольких областей знаний: лингвистики, литературоведения, вычислительной техники, экологии (общий объем – 98 тыс. словоупотреблений).

Наиболее представленным в НР, как и следовало предположить, является концептуальное пространство. В нашем материале ориентиры концептуального пространства составляют от всех выявленных пространственных ориентиров минимально 62% – в работе по экологии, максимально 75% – в монографиях по вычислительной технике. Концептуальное пространство – это естественный атрибут научного познания, и хотя это пространство уже рассматривалось в главе о СМИ, там оно предстало в несколько «искаженном» варианте, в связи с чуждой для науки сферой и средой, в данной главе предлагается характеристика концептуального пространства в его «родной» стихии – НР.

Выявленные в концептуальном пространстве по отношению к СМИ три способа использования пространственных языковых форм в переносных значениях: лексический, собственно синтаксический и семантико-синтаксический – в НР «теряют» последний способ, поскольку он есть попытка приближения абстрактной информации к возможностям широкой аудитории, а это, естественно, не актуально для аудитории научной. Лексические и собственно синтаксические средства выражения пространственной семантики позволяют достаточно четко представить пространственную картину научной концепции в качестве способа изложения этой концепции.

Использование на лексическом уровне языковых средств с семантикой пространственной ориентации характеризуется функционированием в НР тех же, что выявлены в 3-й главе, существительных, однако в другой частотности и в несколько иных падежных характеристиках. Во-первых, здесь самыми употребительными являются лексемы *область, сфера, сторона, направление, путь*. Лексема *область* в НР зафиксирована в нашей картотеке 87 раз, *сфера* – 84, *сторона* – 72, *направление* – 54, *путь* – 53 (для сравнения – лексема *рынок* в нашем материале НР не встретилась ни разу, хотя предполагаем, что в трудах по экономике она была бы частотной). Факт употребительности указанных лексем в НР легко объяснить их абстрактными свойствами, максимально отвлеченным значением и, для лексем *направление, путь*, – характерной для науки «направительной» семантикой (ср. эти лексемы, например, с существительными *рынок, коридор, окно* не с такой высокой степенью абстрагирования, употребительными в концептуальном пространстве СМИ). Во-вторых, если в СМИ прослеживается падежная «специализация» лексем с пространственной семантикой (в частности, предложный падеж для существительных *сфера и область*), то в НР функционирование наиболее употребительных из них характеризуется большим падежным разнообразием.

При собственно синтаксическом способе использования пространственных форм отличий в НР от концептуального пространства, выраженного в СМИ, нами не обнаружено. Значения местонахождения и существования, как и семантика движения, динамики явлений по отношению друг к другу, при осмыслении одного из предметов-ментальных сущностей в качестве пространственного ориентира оказались универсальными

значениями синтаксической семантики: *Так в лингвистике появились два самостоятельных раздела в семантике – теория значения и теория референции (лингвистика); <...> когда находящиеся в оперативной памяти программы либо обрабатываются центральным процессором, либо находятся в состоянии обмена информацией с внешней памятью, либо ожидают обработки или обмена (вычислительная техника); При этом в картину мира говорящего входит представление о том, какова картина мира адресата речи, а в картину мира адресата речи – представление о том, какова картина мира говорящего (лингвистика); Однако последовательное проведение этого принципа с ростом числа сегментов приводит ко многим проблемам (вычислительная техника).*

Реальное пространство в НР непосредственно, в форме доказательств того или ментального явления, проявляет себя не во всех проанализированных текстах. В нашем материале широкую представленность реального пространства мы наблюдаем только в работе по экологии (до 40% всех выявленных ориентиров): *В лесу появились безлесные участки, изменились условия охоты, количество крупных травоядных животных – главных источников пищи – уменьшилось.* Спецификой денотативной соотнесенности данных ориентиров является то, что они представляют собой абстрактные классы, даже если обозначают, казалось бы, конкретные места. Этот факт говорит об особом аспекте представления реального пространства в НР: не с точки зрения возможности непосредственного восприятия ориентиров как зримых компонентов ситуации, а с точки зрения их сущностных свойств как компонентов одной из областей научного интереса – земного ландшафта с находящимися на нем объектами естественного и искусственного происхождения.

В таких науках, как математика (в нашем случае – вычислительная техника), реальный денотат размышлений бывает слишком далек от обыденной жизни, чтобы приводить его в качестве доказательства состоятельности научной концепции. Эти науки в роли наглядного способа представления научных положений и выводов, их истинности и непротиворечивости используют схемы, графики, таблицы. Такие схемы и графики можно назвать постконцептуальным реальным пространством. В научных трудах находит выражение и собственно текстовое пространство (см. о текстовом пространстве, например, в работах Е.И. Дибровой), которое по признаку «зримости» можно отнести к реальному. Это высказывания, в которых содержится отсылка к определенной странице, графику, научной статье, книге: *Наконец, в главе 5 все основные характеристики модели сводятся воедино и на отдельных примерах, взятых из английского языка, демонстрируется ее объяснительная сила (лингвистика); На рисунке 1 показан пример того, что мы называем иерархической структурой (вычислительная техника).*

В качестве иллюстрации пространства контактного фона события в 3-й главе рассматривались такие манифестации, которые являются зримыми компонентами ситуаций, привлекаемыми автором в связи с целеустановкой

текста. Если целеустановкой текста считать достижение определенного видения ситуации (в связи с воздействующей функцией языка, которая ярко проявляет себя в СМИ), то такая целеустановка кажется чуждой сфере научного общения. Ведь цель построения научной концепции, всякого научного труда – постижение истинного, а не желаемого положения дел в мире, ментальном в том числе. Если под целеустановкой понимать выявление объективных связей в мире, то сигналы реального пространства в научном тексте не могут классифицироваться на основные и «контактного фона в связи с целеустановкой», все эти сигналы должны быть основными, не связанными с иными целями, а зависеть от природы постигаемого объекта. На этом основании мы считаем, что пространство контактного фона события чуждо НР. В нашем материале примеров, которые можно было бы отнести к пространству контактного фона события, не встретилось.

Пространство ассоциативного фона события, казалось бы, также не может быть характерным для НР. В отличие от концептуального пространства, оно не теряет или с трудом теряет коннотативную ауру компонентов, существующих в реальном пространстве. Иными словами, пространство ассоциативного фона события в подавляющем большинстве случаев оценочно, а текстовым спутником оценки является воздействие. Из изложенного делаем вывод, что ориентиры пространства ассоциативного фона события опасны для научного изложения и в то же время привлекательны, так как позволяют (конечно, при условии достаточной объективной доказательной базы) помочь обосновать вывод, растолковать отвлеченное явление конкретными картинками и т.д. Кроме того, пока научные тексты будут писать конкретные люди, манифестации ассоциативного пространства будут в этих текстах присутствовать.

Из проанализированных нами научных работ только монографии по вычислительной технике практически не содержат примеров образных ассоциативных картинок, но несколько все же встретилось, приведем один из них: (речь идет об элементе строения вычислительной системы) ***Конвейерный процессор в значительной степени напоминает сборочную линию, а каждый сегмент – место проведения очередного этапа сборки*** (вычислительная техника). Конечно, в нашем сознании всплывает «картинка» сборочной линии завода, которую мы могли видеть (хотя бы по телевизору), коннотативный шлейф здесь маловероятен, но не исключен.

Наиболее часто образные пространственные ассоциации встречаются в некоторых проанализированных нами работах по лингвистике. Приведем примеры: *Наука не может сейчас рассчитывать на успех, если будет отгораживаться от других дисциплин слишком высокими заборами, и для достижения практических целей ей придется искать связей с ними; Учитывая тот факт, как не признать, что язык – это тюрьма, где теснимая мысль должна расстаться с большей частью своей свободы, если не со всей своей свободой.*

В середине прошлого века В.В. Виноградов утверждал, что словесно-художественное произведение представляет собой воплощенную в формах

языка и освещенную поэтическим сознанием автора обобщенную картину своеобразного мира – субъективного или объективного (в зависимости от метода творчества). Это весьма осторожное определение «своеобразного мира» художественного произведения, «субъективного или объективного», позднее стало более категоричным. «Новая сфера бытия, понимаемая, как преодоление тварности и смерти» (В.Н. Топоров), «модель мира данного автора, выраженная на языке его пространственных представлений» (Ю.М. Лотман); «объективный мир авторского сознания» (Е.И. Диброва) – так называют современные ученые пространство художественного текста. В этих и многих других определениях подчеркивается одна из важнейших характеристик дискурса, в котором рождается и живет художественный текст, – его зависимость от сознания творца, автора произведения.

Сложные взаимоотношения реального и художественно осмысленного пространства авторитетно охарактеризованы М.М. Бахтиным, который, с одной стороны, видел резкую и принципиальную границу в произведении между изображаемым реальным миром и миром изображенным, с другой – считал, что они своеобразно взаимодействуют. Трудность анализа пространственной организации художественного текста, или, в аспекте нашего исследования, – анализа семантики пространственной ориентации, представленной в нем, и связана с тем, что при кажущейся простоте выражения этой семантики (ведь это не научные построения, не масс-медийные хитросплетения!) для постижения истинных причин появления в повествовании тех или иных пространственных характеристик необходимо обладать умением вскрыть многослойные смыслы текста, связанные «с самыми сокровенными, заветными глубинами авторского мироощущения и миропонимания» (В.В. Прозоров), одновременно отдавая себе отчет в том, что, как однажды сделано литературное произведение, мы никогда не узнаем, но «можно тут играть догадками» (В.В. Виноградов).

Материалом исследования в диссертации явились произвольно выбранные художественные произведения современных авторов: повесть «Сонечка» и «Два рассказа» Л. Улицкой; рассказы В. Ремизова «Пол-лося», «Командировка»; рассказы Е. Шкловского «Поехали», «Похищение» и тексты классиков русской литературы: повести А.С. Пушкина «Гробовщик» и «Станционный смотритель», рассказы А.П. Чехова «Человек в футляре» и «Крыжовник» и повесть А. Платонова «Котлован», всего около 82 тыс. словоупотреблений.

Для анализируемых текстов, как для любого художественного произведения, характерна употребительность в повествовании ориентиров реального пространства (во всех произведениях они абсолютно доминируют, например, в рассказе Е. Шкловского «Поехали» встретилось 98 ориентиров, из них реальных – 87, в повести Л. Улицкой «Сонечка» соответственно: 1635–1182). Однако важным является ответ на вопрос о том, **какую** реальную картину мира представляют писатели, ведь окружающий нас мир, в аспекте пространственных характеристик в том числе, бесконечен. Наш анализ позволил выделить три основных мотива употребления манифестаций

реальной пространственной ориентации: **опора** для выражения авторского замысла; **средство** выражения авторского замысла; **способ** выражения душевного состояния героев, или, точнее, авторская характеристика этого состояния.

Иллюстрацией опоры для реализации авторского замысла могут быть такие фрагменты: герой рассказа «Пол-лося», недовольный событиями дня, *не пошел ночевать **домой**, лег **на егерскую койку с провисшей до полу панцирной сеткой***, персонаж В. Ремизова, который *должен был лететь в командировку **в Италию***, устав от нескончаемых мыслей о работе и жизни, попытался вырваться из порочного круга проблем, *махнул **в деревню***, но не смог там выдержать и ночи: *Выпил холодного чая, кое-как прибрался и уехал **в Москву***.

Реальный ориентир как **средство** выражения авторского замысла обычно имеет при себе маркеры оценки: *Соня вытянула свою руку, забытую в его сухих ладонях, и они поднялись **вверх по хищно-холодной лестнице***; *Вместе с отцом, работавшим тогда в инструментальной мастерской, она была эвакуирована в Свердловск, где очень скоро оказалась **в единственном надежном местообитании – в библиотеке, в подвале*** («Сонечка»); *Мудрено не заинтриговаться, когда там, за этими **распахнутыми в теплую июльскую осень створками** или **возле, во двориках, под садовыми деревьями** типа яблонь и слив – праздник, таинственные незнакомки («Похищение»).* Если задаться целью выяснения сопутствующих героям реальных пространственных ориентиров (намекающих на их характер, образ жизни), то, например, для Сонечки Л. Улицкой, в начале и в конце жизненного пути, это *подвалы, хранилища библиотек, этажи хрущевки, а Роберт Викторович из той же повести существовал при жизни **в мастерской**, а после – **в картинных галереях** мира.*

У писателей одним из излюбленных средств передачи душевного, эмоционального и любого другого состояния героя, **способом** выражения авторской оценки является использование в роли своего рода камертона к этим состояниям пространственных характеристик. Внешняя обстановка, будь то природный ландшафт или его урбанизированный вариант, имеют в нашем сознании некие общие оценки, общий коннотативный «шлейф», например, солнечный день на лесной поляне – хорошо, моросящий надоедливый дождь по асфальту – плохо. Такими сопутствующими характеристиками нередко и пользуются художники слова для выражения своего видения мира и характеристик его истинных ценностей. Часто состояние окружения созвучно психическим переживаниям героев: (героиня повести «Сонечка» Таня во время удручающего всех переезда) *Неприбранная Таня отрешенно бродила **по дому, натываясь на мебель, сошедшую с привычных мест** и как будто приобретающую самостоятельную подвижность. Дверцы **шкафов** неожиданно отворялись сами собой, **стулья** ставили подножки.* Внешняя обстановка, в частности пространственные характеристики человека и предметов, актуальных для человека, могут и

диссонировать с душевным состоянием героев. В рассказе «Похищение» *июльская роскошная ночь* по принципу антитезы усиливает наше впечатление о размерах беды юношей, случайно включенных в страшные игры взрослых: *Июльская роскошная ночь со звездами в небе и тихим теплым ветерком ласково обвеивает его горящее лицо, воспаленные от скотча, все еще кровоточащие губы – он свободен, а все, что было, не исключено, просто кошмарный сон, может, скоро он проснется и все окажется на своих местах, а душный багажник, связанные руки и мешок на голове – только морок, не более.*

Концептуальное пространство очень скупо представлено во всех рассмотренных нами произведениях, кроме повести «Сонечка» (в ней ориентиры концептуального пространства составляют около трети всех пространственных ориентиров). Основой анализа семантико-стилистической структуры художественного текста Г.Г. Полищук считает поиск его семантической доминанты. Как представляется, семантической доминантой в этом произведении является выбор типа пространства – концептуального в художественно преобразованном варианте: *Во время какого-то редкого просвета в самоувлечении Таня заметила, что у Яси есть какая-то отдельная жизнь. Однако все ее попытки проникнуть в это заповедное пространство* **дневных – не школьных и не домашних – часов разбивались о нежное и уклончивое молчание или неопределенные слова; А дело было в том, что ею давно уже овладело сильное и смутное предчувствие нового многообещающего пространства.**

Как было показано, пространство ассоциативного фона события наиболее тесно связано с воздействующей функцией языка и его ориентиры вводятся в текст в первую очередь из-за коннотативной ауры компонентов для оживления повествования. Приведем некоторые примеры из художественных текстов удовлетворяющие этим характеристикам: *Нечаянно, будто сосулька с крыши, вспомнилась заспанная подружка в «прозрачном пеньюаре» на холодной лестничной клетке («Командировка»); И на мясо смотрел молча. Как зверок какой в темной норе («Пол-лося»); Я чувствую себя слоном в посудной лавке и жмусь к двери, чтобы не мешать Ольге переключать передачи («Поехали»).* Однако не данные примеры составляют существо ассоциативного пространства в ХР.

Рассмотрение на материале художественных текстов типов пространств наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, в художественном дискурсе очевидна условность понятия «реальное пространство». Известно, и это показал наш анализ, что приметы реального мира даются писателем как опора, средство, способ выражения «мироощущения и миропонимания». Во-вторых, невозможно поэтому провести грань между понятиями пространство реального события и пространство контактного фона реального события. Скорее, для художественного текста, как и для всякого произведения искусства, все приметы реального мира воссоздаются для выражения

целустановки, идейного мотива, иными словами, являются **контактными** с чувствами, размышлениями, болью и устремлениями писателя.

В-третьих, концептуальное пространство как способ выражения бытия и движения ментальных сущностей вполне может быть представлено и в авторских фразах, и в репликах героев произведения (анализ повести «Сонечка» это продемонстрировал), однако их наличие в художественном тексте – стилистический прием, один из способов выражения идеи, замысла писателя, семантическая доминанта художественного текста (Г.Г. Полищук), ведь притягательность художественной речи сосредоточена в первую очередь в ее художественно-образном потенциале. Воспринимая связь между реальными приметами внешней обстановки и отвлеченными концептуальными пространственными ориентирами, мы понимаем (до того уровня, на который способны) смысл создания образа и далее – глубину мироощущения писателя.

Наконец, пространство ассоциативного фона события в художественном тексте не **представляется**, оно там **формируется**. С определенной долей приблизительности, в определенном аспекте можно предположить, что пространство ассоциативного фона события – это и есть художественное пространство. Реальные пространственные ориентиры выполняют подчиненную роль, даже несмотря на их не сравнимую с другими ориентирами частотность, они «выдают себя» за реальные ориентиры, в действительности – это ориентиры-ассоциации к авторскому восприятию мира, точнее – к авторской картине мира. Истинный художник силен тем, что он свободен от условностей мира: от необходимости выбора «правильного» ракурса изображения (как наблюдали в СМИ), даже от закона всемирного тяготения (ср. специфику выражения пространственной ориентации в РР).

В заключении диссертации подводятся итоги исследования.

Лексикон существительных со значением пространственной ориентации, выделенный из толковых словарей, в динамическом осмыслении лексико-семантических вариантов значений позволил показать, что движение лексем в поле и из поля пространства связано с определенными процессами, которые названы в диссертации прагматико-антропоцентрический и оценочно-антропоцентрический. Оба процесса обусловлены потребностями человеческой деятельности, первый – утилитарными, жизненно необходимыми (см. толкование слов: *вода, бакалея, стройка, бухгалтерия, изолятор* – «с приобретением» пространственного смысла, *аудитория, кабинет* – «с утратой»), второй – оценочными, в определенном смысле – интерпретационными (соответственно – *гуща, дыра, лоскут и ад, будка, каланча*). На базе последнего процесса, что естественно предположить, формируется воздействующая функция языка. Словарь фиксирует наличие коннотативной семантики у многих из тех анализируемых слов, которые развивают или утрачивают пространственное значение по метафорическому типу переноса, но не отмечает такого значения у слов с метонимией, хотя в речи, в реальном контекстном и дискурсивном окружении, оно может

развиваться (см. пример из газетной речи о «недипломатическом» поведении Д. Буша: *Германия* (А. Меркель – О.М.) *от неожиданности содрогнулась*).

С самого начала работы в диссертации были выделены типы пространств как текстовые единицы речи: реальное пространство события, концептуальное пространство, пространства контактного и ассоциативного фона события. Анализ текстов разной функциональной направленности показал плодотворность этого выделения. Введение понятия «типы пространств» позволило выявить механизмы использования в речи языковых средств с семантикой пространственной ориентации, приоткрыть завесу того, почему так неоднозначно решается в лингвистике вопрос о приоритетности информативной или воздействующей функций языка, например, в публицистическом дискурсе.

Исследование использования пространственной семантики в разных сферах употребления языка привело к выводу, что пространство активно используется во всех рассмотренных сферах, но по-разному и во многом специфично в каждой из них. Учет когнитивно-дискурсивного контекста при использовании достижений современных лингвистических наук (в частности, теории референции и теории значения) наполняет большой объяснительной силой структурно-семантический и коммуникативный анализ манифестаций типов пространств, обнаруживает «наращение смысла» не только в области выразительных ресурсов средств этой семантики, но и в структурах с прямыми номинациями реальной пространственной ориентации.

Анализ языковых и речевых средств выражения семантики пространственной ориентации показал, что пространственная картина газетного текста создается сложным переплетением манифестаций реального пространства события, концептуальных пространств, пространств контактного и ассоциативного фона события. Это переплетение в какой-то мере обнажает цели и задачи текстопорождения в этой сфере функционирования языка. Если пространство реального события и в определенной мере концептуальные пространства отражают (в пределах возможностей СМИ) объективную действительность (собственно событие – реальное, социальное, экономическое и т.д.), то пространства контактного и ассоциативного фона события интерпретируют действительность, формируя «медиа-событие». Манипулируя элементами пространства контактного фона события, а также вводя манифестации пространства ассоциативного фона события, журналист формирует **новое** пространство, **новую** реальность, «выдающую себя» за объективную. Интерпретационный потенциал языка, базирующийся в данной сфере на возможностях метафоры, метонимии, порядка слов, других резервах «наращения смысла», создает такую ценностную картину мира, которая в последнее время получила название информационной.

Основная функция, которая реализуется в РР, – коммуникативная, и эта функция, первичная для языка, формирует ее специфику. Человек как точка отсчета в языковой картине мира предстает в данной сфере творцом, ограниченным только естественными условиями протекания речевого акта.

Антропоцентризм в данной сфере употребления языка проявляется в таких характеристиках среды его проявления, как ситуативность, спонтанность, неподготовленность, непосредственность, которые не могут допустить распространения в ней конкурентоспособных реальному типов пространств. Манифестации реального пространства, как следует из природы РР, появляются спонтанно, без заранее продуманного плана, что не позволило выявить в ней пространство контактного фона реального события. Концептуальное пространство реализуется в РР преимущественно социальной (в несколько «приземленном», личнoжизненном варианте) и психологической разновидностями. Пространство ассоциативного фона сужается, потому что в условиях непринужденного общения говорящий далеко не всегда готов к использованию ресурсов вторичного лингвосемиозиса. В аспекте содержательных, собственно семантических свойств, антропоцентризм РР отражается в том, что конструктивно-стилевой вектор разговорности направляет общающихся на повышенную личностность и экспрессивность, о чем пишет В.Г. Костомаров и что убедительно подтвердил наш материал.

Одной из ярких черт РР в аспекте особенностей членения мира и ориентации в нем партнеров коммуникации является так называемое личное реальное пространство, вероятно, своеобразный прототип «личной сферы» (М.В. Всеволодова), «сферы обладателя» (А.В. Бондарко), о которой давно говорят ученые как о специфической черте русского языка в аспекте особенностей восприятия мира. Экспрессивность РР проявляется не только и не столько в широком распространении в ней окрашенной эмоциями говорящих лексики, а, в нашем аспекте рассмотрения, в возвращении в процессе непосредственного, ситуативного общения к основной для кодифицированного, письменного языка абсолютной ориентации, в РР нередко связанной не с прагматическими потребностями, а с экспрессивной, эмоциональной составляющей акта коммуникации. Иными словами, если пространственная ориентация дейктическими средствами является в РР коммуникативно приемлемой и прагматически ориентированной по отношению к способу общения (например, наречия *там, здесь, внизу*) или субъекту общения (ориентиры личного пространства типа *у нас, у меня*), то ориентация формами существительного служит особой и важной составляющей всего коммуникативного процесса, включая выражение эмоциональных коннотаций и смысловых «добавок» к значению. Абсолютное пространство в РР позволяет усилить когнитивно-дискурсивную плотность фраз, и структуры абсолютной пространственной ориентации становятся источником явления «наращение смысла», которое в таких, например, разновидностях языка, как СМИ, берется «под контроль».

Сфера и среда в РР настолько сближаются, что их трудно разграничить. РР – это тот режим «работы» языка, в котором тематико-содержательная область, то есть сфера, и общающиеся люди, их статус, способ и вид контакта, то есть среда, даны в таком соотношении, что, даже когда общение

происходит ради реализации познавательного процесса, фактически оно осуществляется ради общения.

ТР, как устная разновидность СМИ, преследует те же, что и газетная речь, цели информирования аудитории и воздействия на нее, поэтому основные черты использования семантики пространственной ориентации в ней сохраняются. Задача СМИ – удержать внимание аудитории – в ТР, в отличие от печатной (в нашем случае газетной разновидности), еще более осложняется: если газету читатель может отложить и прочитать позже, то с телевизионными передачами это сделать сложнее. Истинный адресат массовой информации в телевизионном варианте – зритель – требует изыскивать особые формы привлечения внимания. И в этом отношении своеобразно проявляет себя влияние РР. С одной стороны, черты непринужденного, непосредственного, в ряде случаев ситуативного общения естественно проникают в ТР, с другой – искусственно в ней культивируются. Чтобы соответствовать задачам сферы общения – участию в познавательном процессе – авторы телевизионных передач стремятся избавиться от примет разговорности (если они мешают достижению целей) и использовать их, имитировать (в тех случаях, когда они помогают достичь цели) и в итоге – подчинить своим задачам, чтобы сохранять интерес аудитории к предлагаемой информации (см., например, явления «суперпозиции ремы» или повышенной личностности живого контакта). Отношения сферы и среды достигают уровня творческого, продуктивного, позитивного «конфликта» в диалогах политиков и журналистов. Потребности сферы диктуют оперирование отвлеченными смыслами: политическими, экономическими, духовными, возможности среды «заземляют», «очеловечивают» способ их выражения, в частности, увеличивая частотность относительных форм, производя замену абстрактных номинаций (*бюджет*) на конкретные, «личные» (*карман, кошелек*).

В НР специфика использования семантики пространственной ориентации заключается в преобладании концептуального пространства. Манифестации этого типа пространства основаны на потенциале метафорического переноса, так как орудием выражения ментальных сущностей (и создания концептуальных пространств) являются в первую очередь языковые ресурсы, сформированные опытом освоения реального мира и продуцированные в отвлеченную область по принципу сходства. Схема познания реального мира, и пространственной ориентации в том числе, зафиксированная в языке, в НР служит формой, оболочкой представления научного знания. «Вторичная», или «вторая» реальность – наука существует в пространстве, в котором пространственная ориентация не константная конфигурация ментальных объектов, а способ научного изложения. И здесь большую роль играют синтаксические возможности языка, законы синтаксического развития мысли. Всеобщие свойства пространства, с одной стороны, объективность, независимость от сознания человека, абсолютность, а с другой – зависимость от структурных отношений

и процессов развития в материальных системах проявляются в НР специфическим образом. Утверждение о том, что все типы предложений, по крайней мере в их генезисе, представляли языковые модели конкретных ситуаций, можно распространить и на правила формирования текста научного изложения: научный текст в своем генезисе опирается на языковые модели отражения сложных реальных ситуаций. Анализ текстов НР не создал впечатления о наличии в научном дискурсе ментальных объектов, функциональная сущность которых заключается в роли пространственного ориентира (как это происходит в реальном пространстве). Наоборот, представляется, что лексемы типа *сфера, область, поле, пространство, путь, направление, фундамент, ниша* и под. готовы принять любую ментальную сущность, если она в определенном контексте поможет выразить научные идеи.

Реальное пространство – необходимая составляющая содержания научного текста, мерило правильности, истинности концепции. В данном случае мы имеем в виду не только реальное пространство объективной действительности, но и постконцептуальные, а также собственно текстовые пространственные ориентиры, выраженные в схемах, таблицах, рисунках, сносках, ссылках. Пространство ассоциативного фона события – неизбежный спутник большинства текстов, научный в этом смысле не является исключением, хотя сдерживающий фактор сферы общения ощущается, что влечет за собой потерю экспрессивности и у таких, казалось бы «сильных» в аспекте когнитивных характеристик номинаций, как *тупик, царство*.

В ХР манифестации всех типов пространств, и в первую очередь наиболее частотные реальные пространственные ориентиры, выполняют подчиненную роль, они «выдают себя» за ориентиры соответствующих типов пространств, в действительности – это ориентиры-ассоциации к авторскому восприятию мира. И в этом смысле художественное пространство текста – это скорее пространство ассоциативного фона, т.к. оно вводится в текст как «невольный» носитель коннотативной ауры ситуации-первоосновы, не цели, а средства художественного повествования. Эта аура – когнитивный след, авторский намек на правильное прочтение, на возможность за представленной в произведении бытовой суетой увидеть нечто, способное помочь преодолеть собственную «тварность», смерть, увидеть «образ вечной жизни и бессмертия» (В.Н. Топоров), заразить «чувством преодоления своего предела, края, порога, своей замкнутости, зацикленности на окружающем и обволакивающем» (В.В. Прозоров). Выношенная, «выпестованная» современной лингвистикой мысль о том, что язык не **воссоздает**, не копирует в графической форме объективный мир, а **создает** картину мира, в своем исконном и эстетически наполненном значении характеризует именно мир художественный. Этот воображаемый, созданный фантазией писателя мир имеет такие формы, такие «деформации», которые способен создать только мастер слова и посредством которых мы ощущаем «прорыв» из реального, обыденного, обычного мира в мир особенный, созданный

непредвзятым взглядом. В связи с признанным литературоведами и вообще филологами, гуманитариями убеждением, что в художественном произведении нам интересны не реальные факты, даже не опыт жизненных коллизий, а познание духа, включая собственное духовное познание, совершенно понятно мнение А. Д. Шмелева о том, что «вымышленный мир художественного текста порождается заново при каждом новом акте прочтения этого текста».

Итак, как показал материал, проявление «способности языка создавать вариативные способы описания одного и того же» (Е.С. Кубрякова), семантики пространственной ориентации, связано с различиями сферы и среды, с соотношением их влияния при конкретном функционировании языка, в конечном итоге – с ролью человека в процессе порождения речи и формирования языка.

М.М. Маковский, критически оценивая ведущий постулат лингвистики XX века – необходимость системного изучения языка – и выражая сомнение в самой возможности устойчивых инвариантных связей в нем, приводит совершенно справедливую мысль многих ученых о том, что язык – это вечно изменяющаяся энергия, и о том, что в основе языковых преобразований лежит определенный «энергетический потенциал» как результат взаимодействия и столкновения качественно и количественно неодинаковых видов этой энергии. Размышления ученого о том, как ведет себя слово (читай: содержание знака – *О.М.*), вышедшее из привычной формы – может вступить в реакцию с другой формой, подвергаясь дальнейшим качественным и количественным преобразованиям – подтверждается результатами нашего анализа поведения языкового «пространственного смысла» в формах, одеждах, характерных для определенных дискурсов. «Пассивная энергия формы», наполняясь новым содержанием и вступая в реакцию с другой формой, позволяет выразить новые смыслы, специфичные для каждого дискурса и проявляющиеся в линейной последовательности – тексте.

Пространственная семантика, с одной стороны, казалось бы, простое и доступное восприятию и пониманию явление, с другой, именно по причине своей «первородной» простоты, - чрезвычайно сложный языковой и речевой феномен. В «поведении» слов и синтаксических конструкций с этой семантикой отражаются общезыковые и речевые процессы, постижение которых – насущная задача современной лингвистики. Действие этих процессов, обусловленных сферой и средой общения и пронизанных идеей «человеческого участия», создают в СМИ особую «информационную» картину мира, в РР – личностную (дейктическую и объективную, абсолютную одновременно), в НР – абстрактную, отвлеченную, но в конечном итоге списанную с опыта реального освоения мира, в ХР – эстетически преобразованную. Манифестации типов пространств в СМИ – способ информирования и воздействия, в РР – способ существования и чувствования, в НР – способ изложения, в ХР – способ эстетического переосмысления мира.

Конечно, наша работа представляет собой только часть исследования речевого «поведения» пространственного смысла прежде всего потому, что проанализированы не все сферы и среды общения. В перспективе дальнейшего исследования – изучение не рассмотренных в данной диссертации сфер (например, деловой, профессионально-технической), усиление внимания к роли жанра, конкретной языковой личности (адресанта и адресата), и не только коллективного, массового, но и конкретного (проявляющего себя, например, в частной переписке, в частных разговорах).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1) *Мякшева, О. В.* Пространственная семантика : ресурсы языка и их функциональный потенциал : монография / О. В. Мякшева. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – 357 с. (22,25 п.л.)

2) *Мякшева, О. В.* Языковые средства с пространственной семантикой и их роль в создании художественного образа / О. В. Мякшева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Научный журнал – 2005 – № 5 (28). Сентябрь – октябрь. – С. 121–129.

3) *Мякшева, О. В.* От мельницы до пустомели (лексемы с пространственной семантикой и их выразительный потенциал) / О. В. Мякшева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология» – 2006. – №3. – С. 234–239.

4) *Мякшева, О. В.* Типы пространств и их роль в газетном тексте (когнитивно-дискурсивный аспект) / О. В. Мякшева // Филологические науки. – 2007. – №5. – С. 91–101.

5) *Мякшева, О. В.* Пространство в языке и речи. Специфика газетных текстов / О. В. Мякшева // Вестник Московского университета. Научный журнал. Серия «Филология». – 2007– № 5. – С. 97–107.

6) *Мякшева, О. В.* Особенности пространственной ориентации в разговорной речи / О. В. Мякшева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2008. – № 9, вып. 19. – С. 77–85.

7) *Мякшева, О. В.* Влияние эмоций на специфику выражения пространственной семантики в разговорной речи / О. В. Мякшева // Известия Волгоградского педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2008. – №5 (29). – С. 68–73.

8) *Мякшева, О. В.* Банк, больница, медресе, суд – помещения или учреждения? / О. В. Мякшева // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». – 2008. – Т.8, вып. 1. – С. 82–87.

9) *Мякшева, О. В.* Некоторые особенности употребления обстоятельств места в разговорном и художественном диалоге / О. В. Мякшева // Вопросы стилистики. Стилистические средства русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1984. – Вып.19. – С. 108–117.

10) *Мякшева, О. В.* Варианты номинаций места в разговорной речи, художественном и научном стилях / О. В. Мякшева // Вопросы стилистики. Межстилевая и внутрителивая вариативность языковой системы : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – Вып. 21. – С. 86–95.

11) *Мякшева, О. В.* Локативы и авторское своеобразие писателей / О. В. Мякшева // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр.– Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – Вып. 22. – С. 65–73.

12) *Мякшева, О. В.* Компонент с локальным значением в устной и письменной научной речи / О. В. Мякшева // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – Вып. 23 : Устная и письменная формы речи. – С. 49–59.

13) *Мякшева, О. В.* Синтаксические функции локатива в аспекте стилистических норм / О. В. Мякшева // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – Вып. 25 : Проблемы культуры речи. – С.90–100.

14) *Мякшева, О. В.* Компонент с локальным значением в структуре газетных заголовков / О. В. Мякшева // Значение и функционирование языковых единиц. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 61–65.

15) *Мякшева, О. В.* Локальный конкретизатор события в газетном заголовке (прагматический аспект) / О. В. Мякшева // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр.– Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1996. – Вып. 26 : Язык и человек. – С. 45–52.

16) *Мякшева, О. В.* Пространственная организация текста / О. В. Мякшева // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – Вып. 27 : Человек и текст. – С. 152–160.

17) *Мякшева, О. В.* Пространственные отношения и способы их выражения в тексте / О. В. Мякшева // Семантика языковых единиц : Доклады 6 Международной конференции. – М., 1998. – Т. 2. – С. 307–310.

18) *Мякшева, О. В.* Интерпретация пространственных отношений в произведениях В. Пескова и М. Пришвина / О. В. Мякшева // Слово в системе школьного и вузовского образования : Материалы межвуз. науч. конф. – Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. – С. 128–133.

19) *Мякшева, О. В.* Моделирование пространства у Гоголя / О. В. Мякшева // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр.– Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – Вып. 28 : Антропоцентрические исследования. – С. 86–94.

20) *Мякшева, О. В.* Семантическая категория пространства и ее языковое выражение в художественном тексте (синтаксический аспект) / О. В. Мякшева // Предложение и слово : Доклады и сообщения междунар. науч. конф. – Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1999. – С. 64–68.

21) *Мякшева, О. В.* Языковая интерпретация категории локативности в повестях А. С. Пушкина / О. В. Мякшева // Материалы XXVIII Межвуз. научно-метод. конф. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. – Вып. 18 : Стилистика художественной речи. – С. 11–14.

22) *Мякшева, О. В.* Языковые средства, формирующие пространство, и их роль в художественной организации текста : Повесть А. Платонова «Котлован» / О. В. Мякшева // Русская литературная классика XX века : В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 67–77.

23) *Мякшева, О. В.* Концептуализация пространственных отношений в разных текстах одного автора / О. В. Мякшева, В. И. Бессуднова // Предложение и слово : Парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2000. – С. 183–189.

24) *Мякшева, О. В.* Текстовая концептуализация пространства (на материале художественных произведений) / О. В. Мякшева // Принципы и методы исследования в филологии : Конец XX века : сб. статей научно-метод. семинара «ТЕХТУС». – СПб. ; Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. – Вып. 6. – С. 363–370.

25) *Мякшева, О. В.* Слово с пространственной семантикой или пространственный концепт? / О. В. Мякшева // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – С. 476–482.

26) *Мякшева, О. В.* Предложения с пространственной семантикой и особенности их функционирования в разговорной речи / О. В. Мякшева // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка. – М. : МПУ, 2002. – С. 34–40.

27) *Мякшева, О. В.* Языковые средства с пространственной семантикой и своеобразие их использования в публицистическом тексте / О. В. Мякшева // Русский язык : Номинация, предикация, образность : межвуз. сб. науч. тр. – М. : МГОУ, 2003. С. 34–42.

28) *Мякшева, О. В.* Синтаксическая модель пространственных отношений : стилистический аспект / О. В. Мякшева // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 56–64.

29) *Мякшева, О. В.* Категория пространства и ее роль в организации художественного текста (на материале рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре») / О. В. Мякшева // Текст. Структура и семантика : Доклады X Юбилейной междунар. конф. : в 2 т. – М. : ООО «Светотон ЛТД», 2005. – Т. 2. – С. 321–327.

30) *Мякшева, О. В.* Существительные с пространственной семантикой и их функциональный потенциал / О. В. Мякшева // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 20–29.

32) *Мякшева, О. В.* Пространственная семантика и ее текстовое воплощение в языке СМИ / О. В. Мякшева // Русский язык : Исторические судьбы и современность : 3 Междунар. конгресс исследователей русского языка : Труды и материалы. – М. : МАКСПресс, 2007. – С. 526–527.

33) *Мякшева, О. В.* Специфика концептуального пространства в газете / О. В. Мякшева // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Изд-во Перм. госуд. ун-та, 2007. – Вып. 11. – С. 231–243.

34) *Мякшева, О. В.* Пространственный ориентир в газетном тексте: «жесткие» и «мягкие» факты / О. В. Мякшева // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 117–132.

35) *Мякшева, О. В.* Существительные с семантикой пространственной ориентации человека (по толкованиям в словарях) / О. В. Мякшева // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное : межвуз. сб. науч. тр., посв. 75-летию П.А. Леканта. – М. : МГОУ, 2007. – С. 231–244.

36) *Мякшева, О. В.* Пространство ассоциативного фона события в газетном тексте / О. В. Мякшева // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика» – 2007. – Т. 7, вып. 2. – С. 6–18.

37) *Мякшева, О. В.* Пространство событий на первой полосе газет: дискурсивно-текстовый анализ / О. В. Мякшева // Античный мир и мы : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. – Вып. 11. – С. 101–104.

38) *Мякшева, О. В.* Пространство ассоциативного фона события в научной речи / О. В. Мякшева // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. – С. 117–122.